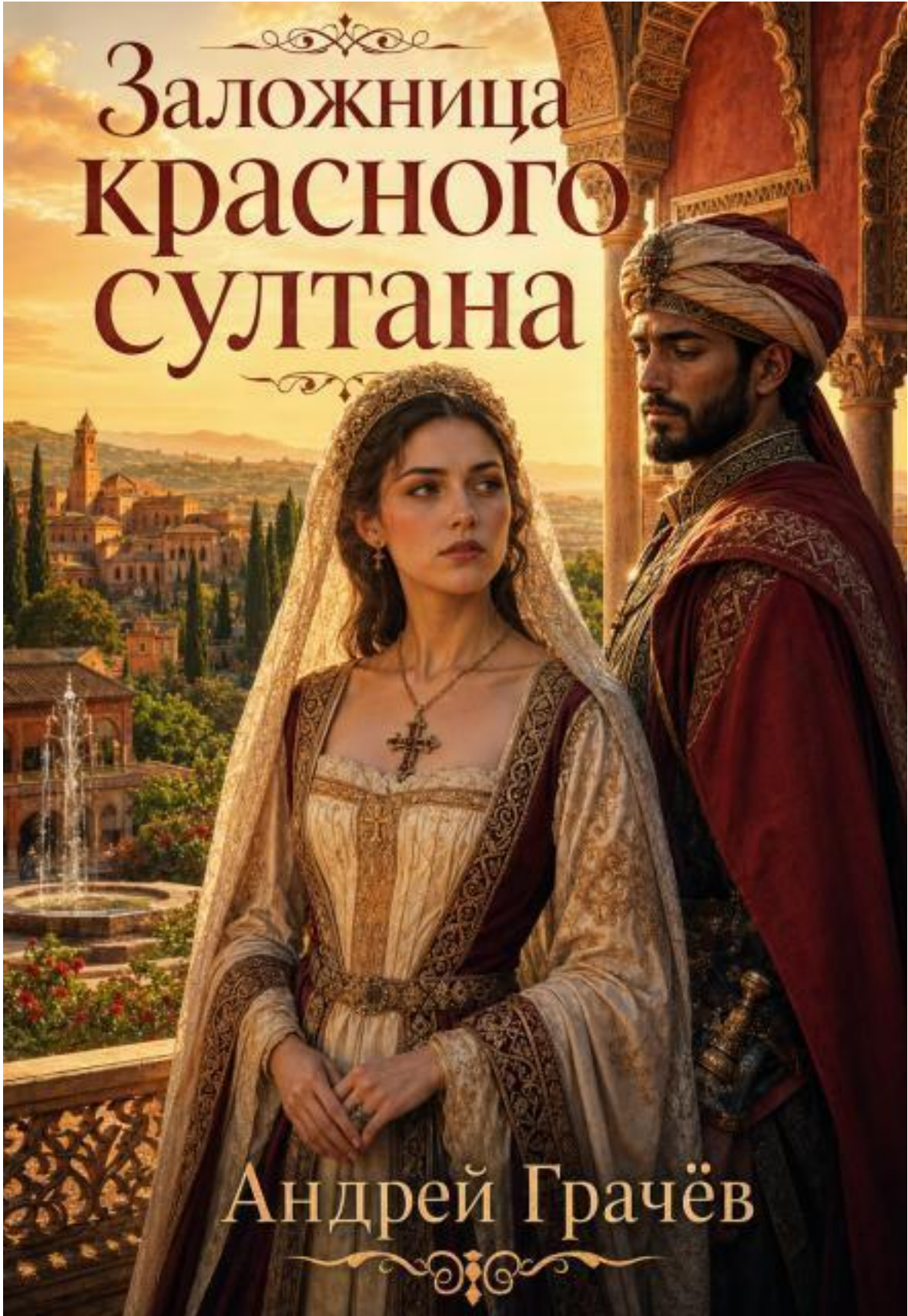

Заложница красного султана

Андрей Грачёв

Андрей Грачёв

Заложница Красного Султана

«Литнет»

2026

Грачёв А.

Заложница Красного Султана / А. Грачёв — «Литнет», 2026

Я должна была стать послушной женой, выгодным союзом и украшением чужого дома. Но на горной дороге свадебный отряд попал в засаду, и вместо брачного ложа меня ждала Альгамбра — красный дворец последней Гранады. Здесь стены покрыты узорами, в садах поют фонтаны, а женщины улыбаются так, будто давно разучились просить о свободе. Меня называют гостьей, но двери заперты. Меня охраняет Юсуф ибн Саид — Красный сокол Гранады, человек, для которого заложники являются частью войны. Он спас меня от худшей участи, но не вернул свободу. А потом я узнала: мои родные не спешат платить выкуп. Мой жених готов использовать мой плен как повод для сделки. Моя честь стала удобной монетой в руках тех, кто клялся меня защищать. И тогда самым опасным человеком оказался не тот, кто держал ключ от моей комнаты. А тот, кто первым спросил, чего хочу я сама. В романе будет: — христианская дворянка, оказавшаяся пленницей в Альгамбре; — мусульманский военный командир, который сначала становится её тюремщиком, а потом единственным, кто признаёт её право на выбор; — роскошный дворец, где красота не отменяет несвободы; — дворцовые женщины, каждая из которых знает цену бракам, союзам и мужским решениям; — кастильская семья, готовая пожертвовать героиней ради чести и выгоды; — побег, после которого “свои” окажутся не спасением, а другой клеткой; — тайные письма, ложные переговоры, предательство и осада; — любовь без принуждения, без смены веры ради удобства и без превращения героини в трофей; — герой, который потеряет политическое будущее ради её свободы; — финал на фоне последней Гранады — красивый, горький, но не безнадёжный.

© Грачёв А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Свадебный отряд	6
Глава 2. Красный сокол	13
Глава 3. Гости с запертой дверью	28
Глава 4. Женщины за узорами	44
Глава 5. Альгамбра	58
Глава 6. Письмо без выкупа	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Свадебный отряд

Дорога к жениху оказалась длиннее, чем Леонор представляла в те дни, когда ещё сидела у окна в отцовском доме и вышивала на тонком полотне герб, который вскоре должна была носить рядом со своим именем. Тогда ей казалось, что путь будет измеряться только милями, ночлегами, сменой лошадей и числом молитв, прочитанных в дорожной тряске. Теперь же, когда караван уже третий день тянулся по каменистым дорогам Андалусии, среди выжженных солнцем склонов, серебристых олив и тёмных пятен кипарисов, Леонор понимала: дорога измерялась не расстоянием. Она измерялась тем, сколько раз человек успевал проститься с прежней жизнью, прежде чем новая ещё успевала начаться.

Её везли не как пленницу. Напротив, всё было устроено с подобающей честью. Впереди ехали двое всадников с копьями, за ними — старший из сопровождавших её родственников, дон Родриго де Асторга, двоюродный брат её покойной матери, человек сухой, набожный и всегда уверенный в том, что Господь особенно любит порядок. За доном Родриго следовал капеллан, отец Мартин, низко опустивший голову под широкими полями шляпы; он дремал в седле, но при каждом толчке просыпался и торопливо прижимал к груди кожаный футляр с дорожным тревником. Потом ехала повозка с сундуками, где лежали платья, бельё, подарки для жениха, серебряный пояс, два кубка с гербом Асторга и тонкая парча, которую Леонор ни разу не выбирала сама. За повозкой, в окружении двух служанок и вооружённых людей, ехала она — будущая жена дона Альваро де Мендосы, человека, которого видела лишь однажды, на расстоянии, в зале, полном свидетелей, свечей и чужих голосов.

Свадебным отрядом это называли только из вежливости. Веселья в нём не было. Не было песен, которыми в родных землях провожали невесту, не было девичьего смеха, не было братьев, которые шутили бы о новом доме и тайком смахивали слёзы. Всё происходило чинно, правильно, почти торжественно, и от этой правильности Леонор становилось холоднее, чем от горного ветра, иногда налетавшего с северных склонов.

На ней было дорожное платье из плотной тёмно-синей шерсти, скромное, но дорогое. Волосы скрывала белая вуаль, закреплённая серебряной булавкой, а на груди под плащом лежал маленький крест, принадлежавший её матери. Этот крест Леонор касалась всякий раз, когда дон Родриго заводил речь о чести рода, будущей пользе брака и милости, оказанной ей судьбой. Ей полагалось благодарить Бога за хороший союз. Ей полагалось помнить, что дочь дворянского дома принадлежит не только себе. Ей полагалось радоваться, что её не отправляют в монастырь, не оставляют без приданого и не отдают за старика, который ищет молодую жену ради наследников.

Все эти слова были разумны. Именно поэтому от них хотелось кричать.

— Сеньорита снова молчит, — тихо сказала донья Инес, ехавшая рядом на спокойной гнедой мулете.

Донья Инес была дуэньей Леонор с того времени, когда та ещё путала молитвы, боялась грозы и верила, что мать обязательно выздоровеет, если поставить к её постели достаточно свечей. С годами лицо Инес стало узким и строгим, но глаза остались внимательными. Она одна умела говорить с Леонор так, будто та была не драгоценным сосудом, который нужно донести без трещин, а живым человеком.

Леонор посмотрела на дорогу впереди. Камни там выступали из земли, как старые кости. Над склонами поднималось горячее марево, хотя день уже начал клониться к вечеру.

— Я думаю, — ответила она.

— Это я заметила, дитя. Ты думаешь с самого утра, и лошадь твоя уже, кажется, устала от твоих мыслей больше, чем от дороги.

Леонор почти улыбнулась, но улыбка не задержалась на губах.

— Дон Родриго сказал бы, что женщине перед свадьбой полезнее молиться, чем думать.

— Дон Родриго много чего сказал бы, — сухо заметила Инес, бросив взгляд вперёд, где родственник Леонор о чём-то говорил с одним из воинов. — Но Господь дал женщинам разум не затем, чтобы они пользовались им только при выборе ниток для вышивки.

— Осторожнее, донья Инес. Если отец Мартин услышит, он назначит вам покаяние.

— Отец Мартин сначала должен проснуться.

На этот раз Леонор всё же улыбнулась. Капеллан действительно снова клевал носом, покачиваясь в седле с таким видом, будто во сне продолжал вести спор с каким-нибудь еретиком и уже почти одержал победу. Но улыбка быстро погасла. Дорога уходила вверх, к узкому проходу между каменными склонами, и чем ближе они подъезжали к перевалу, тем тревожнее становились охранники. Они чаще оглядывались, держали руки ближе к оружию, а один из всадников уже дважды ездил вперёд и возвращался, ничего не докладывая вслух.

— Ты боишься мавров? — спросила Инес после долгого молчания.

Вопрос прозвучал негромко, почти буднично, но Леонор почувствовала, как внутри у неё что-то сжалось. Этим словом в последние месяцы пугали всех: детей, женщин, слуг, даже мужчин, когда те не хотели признавать собственного страха. Мавры были в рассказах чёрными тенями за стенами крепостей, налётчиками из гор, неверными, которые молились не Христу, воинами последней Гранады, всё ещё не желавшей склонить голову перед королём Фердинандом и королевой Изабеллой. О них говорили за ужином, перед сном, в церкви, у колодцев, в письмах. И всегда так, будто за этим словом не было лиц, имён, матерей, сыновей и домов, а только угроза.

— Я боюсь не их, — сказала Леонор.

Инес повернула к ней голову.

— Тогда чего?

Леонор провела пальцами по поводьям. Кожа была тёплой от солнца и гладкой от долгого употребления.

— Жизни, в которой всё уже решено, — сказала она наконец. — Дома мне говорили, что меня берегут. Что берегут мою честь, моё имя, моё будущее. Но когда пришло время решать, где будет это будущее, никто не спросил, хочу ли я его. Все говорили так, будто я уже согласилась, просто ещё не успела произнести слова.

Инес долго молчала. Снизу донёсся скрип колеса, потом приглушённое ругательство возницы: повозка наскочила на камень, сундуки внутри глухо ударились друг о друга. Один из воинов обернулся, недовольно посмотрел на женщин, словно само их присутствие утяжеляло дорогу.

— Ты дочь своего дома, — сказала Инес наконец, но в её голосе не было той холодной уверенности, с какой обычно произносили эти слова мужчины. — Это правда. У дворянских дочерей редко бывает роскошь выбирать.

— А у сыновей?

— У сыновей другая клетка.

— Но ключи от неё они хотя бы носят на поясе.

Инес вздохнула.

— Ты говоришь дерзко.

— Я говорю тихо.

— Иногда тихая дерзость опаснее громкой.

Леонор опустила глаза. Она знала, что Инес права. Хорошие девушки не произносили подобных вещей даже вполголоса, даже в дороге, даже рядом с женщиной, которая пеленала их в детстве. Хорошие девушки принимали волю семьи как волю Божью, благодарили за достойного жениха и не думали о том, что достойный не значит любимый, а почётный брак не обязательно означает счастливую жизнь.

Дон Альваро де Мендоса был не стар. Ему было около тридцати пяти, он имел земли у границы, служил короне, отличился в нескольких походах и, как говорили, умел держать дом в порядке. Ему нужна была жена из рода с чистым именем, с хорошими связями и приданым, которое помогло бы укрепить положение после войны. Роду Асторга нужен был союз с человеком, приближённым к тем, кто получал земли на отвоеванном юге. Все были довольны. Даже отец Мартин сказал, что такой брак угоден Господу, ибо соединяет благочестие, честь и пользу христианскому делу.

Только Леонор никак не могла понять, где среди этой чести и пользы находилась она сама.

Дорога сузилась. Слева поднималась каменная стена, поросшая сухой травой и цепкими кустами. Справа склон обрывался вниз, к неглубокой расселине, где между камнями темнела полоска воды. Воздух стал неподвижным. Даже цикады словно умолкли. Леонор заметила это не сразу, но когда заметила, ей стало не по себе.

Один из передних всадников поднял руку.

Отряд остановился.

— Что там? — резко спросил дон Родриго.

Всадник не ответил сразу. Он привстал на стременах, всматриваясь в поворот дороги. Второй охранник медленно снял копьё с плеча. Возница оглянулся на дону Инес, та выпрямилась в седле, и Леонор вдруг увидела, как старческая рука её дуэньи потянулась к чёткам.

— Камни на дороге, сеньор, — сказал наконец передний всадник. — Свежий обвал.

Дон Родриго выругался сквозь зубы, что было на него не похоже.

— Можно пройти?

— Если разобрать.

— Так разбирайте.

Охранники спешились неохотно. Двое пошли вперёд, ещё трое остались рядом с повозкой. Капеллан проснулся окончательно и начал креститься, не понимая ещё, случилось ли что-то достаточно страшное, чтобы молиться вслух. Леонор смотрела на камни впереди. Они лежали слишком ровно. Обвал, если это был обвал, оказался странно заботливым: перегородил дорогу именно там, где склон сжимал отряд, не оставляя места для разворота.

Она открыла рот, чтобы сказать об этом Инес, но не успела.

Сверху свистнуло.

Первый охранник, стоявший у камней, вскинул руки и упал лицом вниз. Стрела торчала у него из шеи чуть ниже шлема. Лошадь рядом рванулась, ударила копытом по камню и заржала так пронзительно, что этот звук будто разрезал мир на две части: до него была дорога, жара, тревога и нежеланный брак; после — крик, железо, кровь и смерть.

— Засада! — закричал кто-то.

Склоны ожили.

Из-за камней и сухих кустов поднялись люди. Они не походили на случайных разбойников. У них были короткие луки, лёгкие щиты, кривые клинки, тёмные накидки, закрывающие лица от пыли. Они двигались быстро и слаженно, будто давно знали, где встанет каждый воин свадебного отряда, куда бросится лошадь, где застрянет повозка и кто первым попытается пробиться назад.

Дон Родриго выхватил меч.

— К повозке! Защитить сеньориту!

Его голос прозвучал храбро, но слишком поздно. Ещё две стрелы ударили в передних всадников. Один рухнул сразу, другой удержался в седле, но его лошадь, обезумев, понесла назад, сбивая тех, кто пытался выстроиться. Повозка дёрнулась, возница закричал, слуги бросились врассыпную. Отец Мартин пытался слезть с седла, запутался ногой в стремях и едва не упал под копыта.

Леонор застыла лишь на мгновение. Потом тело само вспомнило всё, чему её учили не ради битвы, а ради приличия: держаться прямо, не визжать, не хвататься за мужчин, не показывать страха. Она натянула поводья, пытаясь развернуть лошадь ближе к доне Инес, но та уже боролась с мулетой, которая испуганно пятилась к обрыву.

— Инес! — крикнула Леонор.

Старшая женщина обернулась. В этот миг один из нападавших спрыгнул со склона прямо на дорогу, схватил повод её мулеты и что-то резко сказал на языке, которого Леонор не поняла. Инес ударила его чётками по лицу. Это было так неожиданно и нелепо, что Леонор потом, много раз вспоминая эту минуту, каждый раз чувствовала не ужас, а острую, горькую нежность. Донья Инес, которая всю жизнь учила её опускать глаза, встретила вооружённого человека так, будто он был непослушным мальчишкой, испачкавшим чистую скатерть.

Нападавший выругался, но не ударил её. Он лишь вырвал повод и толкнул мулету к стене. Это Леонор заметила сразу: они убивали вооружённых, но женщин старались брать живыми.

Её лошадь рванулась вперёд. Леонор не удержалась бы, если бы один из охранников не схватил повод.

— Сеньорита, вниз! — крикнул он. — Быстро!

Она не успела ответить. Сбоку налетел всадник в тёмной накидке. Охранник отпустил её повод, поднял меч, и клинки ударились друг о друга с таким звоном, что лошадь Леонор взвилась на дыбы. Мир качнулся. Небо, камни, красная пыль, лицо Инес, рука с кривым клинком, белая грива чужой лошади — всё смешалось. Леонор вцепилась в лук седла, чувствуя, как ткань перчатки рвётся под ногтями.

Она могла погибнуть там просто от падения. Могла удариться виском о камень, попасть под копыта, сорваться вниз в расселину. Но чья-то рука схватила её за плащ сзади и рывком удержала в седле. Леонор вскрикнула, обернулась и увидела молодого мавра с открытым лицом. Он был совсем не похож на чудовище из проповедей. У него были тёмные глаза, испуганные не меньше, чем у неё, и тонкий шрам на щеке. Он что-то быстро сказал ей, потом показал на землю, приказывая спешиться.

Леонор не двинулась.

Он повторил приказ резче, но снова не ударил.

Тогда она поняла: если останется в седле, её просто стащат. Если упадёт неудачно — сломает шею. Если попробует бежать — её догонят через пять шагов. Вокруг уже почти не осталось порядка. Дон Родриго сражался у повозки, отбиваясь от двоих, но третий ударил его сзади древком копья по плечу. Он пошатнулся, всё ещё пытаясь поднять меч. Отец Мартин стоял на коленях у стены и, сжав крест, громко читал молитву, но голос его срывался. Одна из служанок плакала, закрыв лицо руками. Другая лежала у колеса, и Леонор не могла понять, ранена она или просто потеряла сознание.

Она медленно перекинула ногу через седло. Молодой мавр отступил, позволяя ей спуститься самой. Это неожиданное подобие уважения обожгло её сильнее грубости. Леонор встала на дорогу, выпрямилась и только тогда заметила, что у неё дрожат руки.

— Я Леонор де Асторга, — сказала она по-кастильски, потому что другого языка для достоинства у неё не было. — Я дочь христианского рода. Кто бы ни был вашим господином, он ответит за то, как со мной обошлись.

Молодой мавр не понял всех слов, но, кажется, понял тон. Он склонил голову, не низко, скорее обозначив, что слышит. Потом повернулся и крикнул что-то своим.

Дон Родриго увидел, что Леонор стоит среди врагов. Его лицо исказилось. Он рванулся к ней, но в этот миг один из нападавших ударил его по руке. Меч выпал. Другой сбил его с ног. Леонор сделала шаг вперёд, но молодой мавр преградил ей путь.

— Нет! — крикнула она. — Не убивайте его!

Она не знала, поняли ли её. Может быть, поняли сам крик. Может быть, дон Родриго и не собирались убивать. Его скрутили, прижали лицом к пыльной дороге, связали руки. Он хрипел, проклинал их, называл псами и неверными, обещал кару королей, но жив остался. Леонор испытала такое облегчение, что едва не задохнулась, а потом сразу же устыдилась этого облегчения: вокруг лежали люди, которые уже не могли радоваться тому, что кто-то другой ещё дышит.

Бой закончился быстро. Слишком быстро для случайного нападения. Нападавшие действовали без суеты. Они забрали оружие, связали выживших мужчин, проверили сундуки, но не стали грабить всё подряд. Один из них открыл ларец с серебряными кубками, глянул внутрь и закрыл обратно, словно это его не интересовало. Другой нашёл мешочек с монетами у возницы и бросил своему старшему, но тот только раздражённо махнул рукой.

Леонор видела всё яснее с каждой минутой, и от этой ясности страх становился холоднее. Разбойники не оставили бы серебро. Разбойники не щадили бы свидетелей. Разбойники не знали бы заранее, какая повозка везёт приданое, где едет невеста и кого из мужчин нужно брать живым.

Это была не жадность. Это был приказ.

Донью Инес подвели к Леонор. У старой женщины сбилась вуаль, на щеке краснела царапина, но взгляд оставался твёрдым.

— Ты цела? — спросила Инес.

Леонор кивнула.

— А ты?

— Старая кость крепче молодой, когда падает невысоко, — сказала Инес, но голос у неё дрогнул.

Леонор взяла её за руку. На мгновение она снова стала девочкой, которой хотелось спрятаться в знакомом запахе лаванды, воска и сухих трав, всегда исходившем от платьев доньи Инес. Но спрятаться было негде. Их окружали люди с оружием, дорога была перекрыта, солнце садилось за горы, и каждый луч делал камни краснее, будто сама земля стала свидетелем крови.

К ним подошёл старший среди нападавших. Это был мужчина лет сорока, широкоплечий, с проседью в бороде и глазами человека, привыкшего отдавать короткие приказы. На нём не было роскоши, но пояс был хорошей кожи, кинжал — с серебряной насечкой, а на плече тёмной ткани виднелась вышивка красной нитью: маленький сокол с расправленным крылом.

Он посмотрел на Леонор внимательно, без похоти и без жалости. Этот взгляд был почти хуже. Так смотрят не на женщину и не на врага, а на вещь, которую надо доставить в целости, потому что за неё спросят.

— Леонор де Асторга? — произнёс он с сильным акцентом, но достаточно ясно.

Она подняла подбородок.

— Да.

Дон Родриго, лежавший связанным у повозки, зашевелился и прохрипел:

— Не отвечай им, Леонор! Ни слова этим псам!

Старший мавр даже не обернулся. Один из его людей наступил дону Родриго коленом на спину, заставив того замолчать.

— Вы знаете моё имя, — сказала Леонор. — Значит, знаете и то, что мой род будет требовать ответа.

Мужчина слегка склонил голову.

— Потому и живы.

Эти три слова, сказанные на ломаном кастильском, легли между ними тяжелее любого удара.

Леонор почувствовала, как пальцы Инес сильнее сжали её ладонь. Она вдруг поняла, что старшая женщина тоже всё осознала. Их не убьют здесь, на дороге. Не потому, что нападавшие

милосердны. Не потому, что они боятся Бога или королей. Их сохраняют, как сохраняют запечатанное письмо, которое должно дойти до адресата неразорванным.

— Куда вы нас везёте? — спросила Леонор.

Старший мавр ответил не сразу. Он посмотрел на небо, оценивая оставшийся свет, потом отдал приказ своим людям. Несколько пленных подняли на ноги. Раненым перевязывали руки грубо, но умело. Тела погибших оттаскивали к обочине. Лошадей собирали. Повозку разворачивали с дороги не назад, а в сторону узкой тропы, уходившей между склонами.

Только после этого он снова посмотрел на Леонор.

— В Гранаду.

Отец Мартин, стоявший неподалёку под присмотром молодого воина, громко ахнул и начал читать “Ave Maria” так быстро, словно от скорости молитвы зависело, успеет ли Бог вмешаться. Дон Родриго застонал от ярости. Одна из служанок зарыдала снова, уже не скрываясь.

Леонор не заплакала. Она почему-то вспомнила утренний разговор с Инес. “Ты боишься мавров?” Нет. Она боялась жизни, где всё решено. И теперь эта жизнь вдруг распалась на части, но свободы в её обломках не оказалось. Её не довезли до жениха, но спросил ли кто-нибудь теперь, куда она хочет? Один мужской договор был разорван другим. Один путь заменили другим. Она всё ещё ехала туда, куда решили без неё.

Только теперь вместо герба жениха впереди был красный сокол.

Инес приблизилась к ней настолько, насколько позволили стражники, и тихо сказала:

— Держись прямо, дитя.

— Я держусь, — ответила Леонор.

— Нет, — возразила Инес. — Не телом. Душой.

Леонор сжала крест под плащом. Металл был тёплым от её кожи. Она попыталась молиться, но слов не нашла. Все молитвы, которые она знала, казались предназначенными для понятных бед: болезни, смерти, греха, страха перед будущим. Для этой минуты слов не было. Она стояла на дороге среди разбитого свадебного отряда, в пыли, под взглядами врагов, и понимала, что прежняя жизнь не просто изменилась. Её отняли, как отнимают повод у лошади.

К старшему мавру подошёл тот самый молодой воин со шрамом на щеке. Они обменялись несколькими фразами на арабском. Леонор не понимала языка, но уловила одно имя, произнесённое отчётливо, с уважением и опаской. Потом старший повторил его уже по-кастильски, обращаясь к одному из пленных, который, видимо, знал немного больше их языка:

— Сказать ей. Её доставят к Юсуфу ибн Саиду.

Пленный побледнел. Это был один из людей дон Родриго, не молодой и не трусливый на вид. Но имя заставило его перекреститься.

Леонор повернулась к нему.

— Кто это?

Он не сразу ответил. Сначала посмотрел на старшего мавра, словно боялся, что за слова его ударят. Но тот стоял равнодушно, уже потеряв интерес к разговору.

— Красный сокол Гранады, сеньорита, — сказал пленник хрипло. — Военный человек эмира. Говорят, он берёт крепости не силой стенобитных машин, а тем, что заранее знает, кто откроет ворота.

Леонор почувствовала, как по спине прошёл холод, хотя воздух оставался горячим.

— Почему меня везут к нему?

Пленник опустил глаза.

— Потому что вас брали не ради выкупа с дороги.

Старший мавр, будто поняв главное без перевода, коротко усмехнулся. Не весело. Почти устало.

— Золото, — сказал он, подбирая слова, — это мало. Имя — больше.

Леонор смотрела на него, и мир вокруг становился предельно ясным. Сундуки с приданным могли остаться нетронутыми. Серебро могло лежать в повозке. Платья, парча, кубки, пояс, всё это было лишь украшением настоящей добычи. Настоящей добычей была она сама: дочь рода Асторга, невеста дона Альваро, христианская дворянка, которую можно было показать, обменять, удержать, использовать в письме, в угрозе, в договоре.

Она стала не женщиной и не невестой.

Она стала доводом.

Когда её снова посадили на лошадь, руки Леонор уже не дрожали. Страх никуда не ушёл, но опустился глубже, туда, где его нельзя было увидеть. Донья Инес ехала рядом, бледная, с прямой спиной. Дон Родриго, связанный, сидел на чужой лошади между двумя стражниками и всё ещё пытался говорить о мести, но голос его звучал всё слабее. Капеллан шептал молитвы. Слуги молчали. Погибшие остались за поворотом дороги, под камнями и закатным небом, а свадебный отряд, уже переставший быть свадебным, медленно двинулся в сторону Гранады.

Внизу темнели долины. Где-то далеко, за горами, ждал жених, которого Леонор не выбирала. Где-то впереди был город, чьё имя в её доме произносили как угрозу. А между ними ехала она, всё ещё в дорожном платье невесты, всё ещё с материнским крестом на груди, но уже без прежнего будущего.

Перед самым наступлением сумерек она обернулась на перевал. Дорога назад исчезала за каменным изгибом. Её можно было бы принять за любую другую горную дорогу, если бы не тёмные пятна на пыли и не сломанное колесо повозки, оставшееся у обочины. Там закончилась жизнь, которую за неё выбрали.

Но новая начиналась не свободой.

Новая начиналась именем, которое теперь звучало в каждом шорохе, в каждом взгляде стражников, в каждом ударе копыт по камню.

Юсуф ибн Саид.

Красный сокол Гранады.

И Леонор де Асторга впервые до конца поняла: её похитили не ради золота, не ради мести и не ради прихоти воина с чужой верой. Её взяли потому, что в руках умелого человека даже чужая невеста могла стать оружием.

Глава 2. Красный сокол

Крепость, куда привезли Леонор, не была похожа на место, где люди живут по собственной воле. Она стояла на каменной высоте, вцепившись в склон так крепко, будто сама гора когда-то попыталась сбросить её вниз, но не смогла. Низкие стены из красноватого камня казались продолжением скал, башня смотрела на долину узкими тёмными бойницами, а ворота были обиты железом, почерневшим от времени, дождей и, возможно, огня. Здесь не было красоты, о которой рассказывали пленные купцы, вспоминая Гранаду; не было фонтанов, садов, резных арок и прохладных внутренних дворов. Здесь были пыль, лошадиный пот, острый запах железа, дым от очагов и голоса людей, привыкших говорить коротко, потому что длинные слова на границе часто не успевали закончить.

Они прибыли уже затемно. Последний отрезок пути Леонор почти не помнила: сумерки, узкая тропа, силуэты всадников, чёрные кипарисы на гребнях, вздрагивающий свет факелов, лицо доньи Инес рядом — серое от усталости, но всё ещё строгое. Где-то позади, среди людей дон Родриго, кто-то стонал от боли. Отец Мартин шептал молитвы, сначала громко, потом всё тише, пока слова не превратились в сухой шелест губ. Сам дон Родриго держался прямо даже со связанными руками, но Леонор видела, как он время от времени кривился: удар по плечу оказался сильнее, чем он хотел показать.

Когда ворота крепости открылись, внутри поднялась суматоха. Люди с факелами сбегались во двор, кто-то спрашивал новости, кто-то смеялся, кто-то молча считал лошадей и пленных. Леонор услышала несколько слов, произнесённых по-кастильски с грубым акцентом: “невеста”, “Асторга”, “выкуп”. Это слово — выкуп — прилипло к ней, как дорожная пыль к подолу. Раньше она была дочерью, невестой, сеньоритой. Теперь вокруг неё появлялись другие слова: добыча, заложница, цена.

Её сняли с лошади осторожно. Не почтительно, но осторожно. Молодой воин со шрамом на щеке снова оказался рядом; он первым подал руку, когда она спускалась, и Леонор не хотела принимать её, но ноги после долгой дороги дрожали, а падать перед врагами было бы хуже. Она коснулась его ладони через перчатку, прыгнула на камни двора и сразу отступила, возвращая себе хотя бы видимость расстояния.

Донью Инес подвели к ней почти сразу. Это, должно быть, был чей-то приказ: старую дуэнью не отделяли от Леонор, как не отделяют от дорогого сосуда мягкую ткань, в которую его завернули. Такое сравнение пришло ей в голову внезапно и показалось оскорбительным, но отогнать его она не смогла. Её не берегли ради неё самой. Её берегли ради того, чтобы доставить в целости.

— Ты держисься? — тихо спросила Инес.

Леонор кивнула.

— Да.

Это была ложь, но ложь необходимая. Внутри всё болело от страха, от усталости, от чужих голосов, от воспоминания о людях, оставшихся на дороге. Она не знала, кто из её охраны погиб, кто был ранен, кого привезли, а кого бросили у перевала. Она не знала, что сделают с доном Родриго и отцом Мартином. Не знала, напишут ли её семье сразу или сначала заставят её самой поставить подпись под письмом. Не знала, доживёт ли до рассвета. Но с детства ей внушали, что благородная женщина должна сохранять лицо даже тогда, когда не может сохранить ничего другого. Сейчас это правило оказалось не украшением воспитания, а последним щитом.

Инес взглянула на неё внимательно, но спорить не стала.

— Дыши ровно, дитя, — сказала она. — Не дай им увидеть, как сильно они тебя испугали.

— Они и так знают.

— Знать — одно. Видеть — другое.

Леонор медленно вдохнула. Воздух во дворе был холоднее, чем на дороге. С гор спускалась ночь, и вместе с ней в крепость входила тень. На стенах горели факелы. Красные отсветы скользили по лицам воинов, делая их похожими то на людей, то на фигуры, вырезанные из тёмного дерева. Кто-то вёл лошадей к конюшне, кто-то проверял сундуки, кто-то спорил у ворот. Над всем этим, над шумом, запахами, чужой речью и железом, висело ожидание. Пленных привезли, но главный человек ещё не вышел.

Леонор поняла это по тому, как все оглядывались на дверь в дальней части двора.

Дверь была низкой, обитой тёмными полосами металла. Возле неё стояли двое воинов без суеты и разговоров. Они отличались от остальных не одеждой, а неподвижностью. Люди, которые не ждут приказа, обычно переминаются, болтают, смотрят по сторонам. Эти смотрели прямо перед собой, словно дверь была не выходом из комнаты, а границей, которую никто не должен пересечь без разрешения.

Старший из тех, кто командовал засадой, подошёл к этой двери, коротко сказал что-то одному из стражников и вошёл внутрь. Двор на мгновение стал тише. Даже те, кто до этого смеялся, понизили голос.

— Это он? — спросила Леонор у Инес едва слышно.

— Не думаю, — ответила дуэнья. — Тот, кто сам выходит за добычей, редко заставляет двор ждать.

Леонор посмотрела на неё с невольным удивлением.

— Ты рассуждаешь так, будто часто бывала в крепостях у мавров.

— Я рассуждаю так, будто прожила достаточно лет среди мужчин, дитя. Вера у них может быть разной, а любовь к тому, чтобы ждать их появления, у всех одинакова.

При других обстоятельствах Леонор, возможно, улыбнулась бы. Но сейчас во двор вывели дон Родриго. Его руки оставались связанными, плащ был порван, на виске запеклась кровь. Он заметил Леонор и сразу попытался выпрямиться ещё сильнее, будто именно от прямоты его спины зависела честь всего рода.

— Леонор! — крикнул он. — Ни слова им без меня! Ты слышишь? Ни слова!

Один из стражников ударил его древком копья под рёбра, не сильно, но достаточно, чтобы оборвать крик. Дон Родриго согнулся, закашлялся. Леонор шагнула вперёд, но Инес удержала её за рукав.

— Не сейчас, — прошептала она.

— Они его ударили.

— И ударят ещё раз, если ты дашь им повод.

Леонор стиснула зубы. Её учили послушанию, но не бессилию. Оказалось, бессилие гораздо труднее терпеть, чем страх. Страх был внутренним врагом, с ним можно было бороться молитвой, гордостью или упрямством. Бессилие стояло снаружи, держало копьё и не нуждалось в её согласии.

Наконец дверь открылась.

Мужчина, вышедший во двор, не был похож на тех, кто привёз её сюда. По крайней мере, не сразу. На нём не было тяжёлой брони, только тёмный стёганный кафтан под распахнутым плащом глубокого красного цвета. Этот цвет в свете факелов казался почти чёрным у складок и огненным по краям, будто ткань хранила в себе отблеск заката. На поясе висел меч с простой рукоятью, без показной роскоши, но сама простота была дорогой: хорошая кожа, хорошая сталь, вещь, сделанная для руки, привыкшей пользоваться ею не на праздниках. Волосы мужчины скрывала тёмная повязка, лицо было открытым, с резкими скулами, короткой бородой и глазами, которые не скользили по людям, а останавливались на них точно, как кончик ножа на пергаменте.

Он не спешил. И именно поэтому все остальные начали двигаться быстрее. Кто-то отступил с дороги, кто-то склонил голову, кто-то замолчал на полуслове. Мужчина прошёл к середине двора, выслушал короткий доклад старшего воина, не перебивая, затем перевёл взгляд на пленных.

Леонор сразу поняла, что это и есть Юсуф ибн Саид.

Не потому, что кто-то произнёс его имя. Не потому, что на его плече краснел знак сокола — тот самый, что она видела на вышивке у старшего воина. А потому, что двор держался вокруг него как ткань вокруг скрытого клинка. Все складки сходились к одной точке.

Он сначала посмотрел не на Леонор, а на дону Родриго. Потом на отца Мартина. Потом на раненых. Потом на сундуки, сложенные у стены. Его взгляд не задерживался дольше, чем требовалось, но после него казалось, будто он уже всё посчитал: людей, лошадей, потери, выгоду, риск, время до рассвета, количество писем, которые придётся написать.

Лишь после этого он повернулся к Леонор.

Она заставила себя не опустить глаза. Материнский крест лежал под платьем, но ей хотелось достать его и сжать в руке так, чтобы металл впился в ладонь. Вместо этого она просто стояла прямо. Вуаль сбилась, подол был в пыли, одна перчатка порвалась, волосы выбились из-под покрывала. Наверное, она выглядела совсем не так, как должна была выглядеть невеста из рода Асторга. Но если ей суждено предстать перед врагом измятой и усталой, она хотя бы не позволит ему увидеть себя сломленной.

Юсуф произнёс что-то на арабском. Старший воин ответил. Леонор уловила своё имя, имя дона Альваро, потом слово, похожее на “Мендоса”. Значит, они знали и это. Внутри у неё снова стало холодно.

Затем Юсуф заговорил по-кастильски. Медленнее, чем носитель языка, но ясно, с хорошей выучкой.

— Сеньорита Леонор де Асторга.

Это не был вопрос.

— Да, — ответила она.

— Вы ранены?

Она почти не поверила услышанному. Вопрос был таким простым, что на мгновение показался человеческим. Потом Леонор вспомнила слова старшего воина: “Потому и живы”. Целость была частью цены.

— Нет, — сказала она. — Но среди моих людей есть раненые.

— Ваших людей? — Юсуф слегка повернул голову, и в этом движении было не удивление, а отметка. — Они были вооружены.

— Они сопровождали меня к браку.

— Значит, были частью отряда.

— Они были частью моей дороги, — ответила Леонор, чувствуя, что говорит слишком смело, но уже не умея остановиться. — И вы напали на эту дорогу.

Во дворе стало ещё тише. Кто-то из воинов усмехнулся. Не весело, а с ожиданием: вот сейчас христианская девушка узнает, что на границе не бросают обвинений человеку с мечом, если сама стоишь без оружия.

Юсуф не усмехнулся.

— Дороги в этих горах редко принадлежат тем, кто по ним едет, — сказал он.

— А люди? — спросила Леонор. — Они тоже принадлежат тому, кто успел поставить засаду?

Инес едва заметно сжала её руку, предупреждая. Но поздно. Слова уже прозвучали.

Юсуф смотрел на Леонор долго. Не с гневом, не с насмешкой. Скорее так смотрят на неожиданный ход в игре, где противник, которого считали слабым, вдруг переставляет фигуру не по правилам, но метко.

— Иногда, — сказал он наконец, — люди принадлежат тем решениям, которые приняли за них другие.

Ответ оказался точнее, чем Леонор хотела признать. Она не нашлась сразу, что сказать. Потому что, если быть честной, первый захват её жизни случился не на перевале. Первый захват был раньше: в комнате, где мужчины обсуждали её брак, приданое, земли, союз и сроки выезда, а она сидела рядом с опущенными глазами и слушала собственное будущее как чужое письмо.

Юсуф отвёл взгляд первым, но не потому, что уступил. Он просто закончил разговор на эту минуту.

— Развязать старика, — приказал он по-арабски, потом, заметив, что Леонор напряглась, повторил по-кастильски: — Ваш капеллан не опасен. Пусть молится, если хочет. Но если начнёт кричать на людей, его снова свяжут.

Отец Мартин, услышав это, побледнел и перекрестился так быстро, будто само разрешение молиться от неверного было искушением.

— Дон Родриго? — спросила Леонор.

Юсуф посмотрел на её родственника.

— Его руки останутся связаны.

— Он ранен.

— Значит, ему перевяжут рану. Связанные руки не мешают жить.

Дон Родриго поднял голову.

— Ты смеешь говорить о жизни, мавр, после того, как напал на христианскую невесту?

Юсуф перевёл на него взгляд. Во дворе не произошло ничего заметного, но Леонор почувствовала, как люди вокруг чуть напряглись. Дон Родриго тоже почувствовал, но гордость не позволила ему замолчать.

— Мой род потребует ответа, — продолжил он. — Дон Альваро потребует ответа. Корона потребует ответа. Ты думаешь, украл девчонку с дороги и стал великим воином?

Юсуф подошёл к нему ближе. Двигался он спокойно, почти лениво, но стражник рядом с доном Родриго немедленно отступил на полшага, освобождая место.

— Если бы я хотел украсть девчонку, — сказал Юсуф негромко, — ваши люди лежали бы мёртвыми все до одного, повозка была бы пуста, а её имя узнали бы только те, кому я позволил бы его слышать.

Дон Родриго побагровел.

— Ты угрожаешь?

— Нет. Объясняю разницу.

Эта холодная фраза подействовала сильнее крика. Даже Леонор, которой хотелось ненавидеть Юсуфа без оговорок, поняла: он не хвастался. Он называл вещи своими именами, и от этого становилось страшнее. Этот человек не нуждался в ярости, чтобы быть опасным.

Из группы воинов вышел высокий мужчина с перебитым носом и тяжёлой челюстью. На его запястье была свежая повязка, сквозь которую проступала кровь. Он говорил быстро, раздражённо, и Леонор уловила только отдельные знакомые имена: Асторга, Мендоса, Кастилия. Но смысл его слов стал понятен по жестам. Он указал на Леонор, потом на ворота, потом провёл ладонью у горла, не как прямую угрозу убить, а как знак давления. Затем ткнул пальцем в сундуки, резко рассмеялся и что-то сказал, вызвав у нескольких воинов глухие смешки.

Юсуф слушал молча.

Старший, командовавший засадой, нахмурился и попытался вмешаться, но высокий перебил и его. Он снова указал на Леонор. На этот раз его жест был почти презрительным: дорогая ткань, белая кожа, крест, родовое имя — всё в ней для него было не человеком, а удобным поводом ударить сильнее. Он произнёс что-то ещё, и несколько мужчин у стены одобритительно загудели.

Леонор не понимала слов, но почувствовала, как у Инес под рукой напряглись пальцы. Старуха знала людей достаточно хорошо, чтобы слышать угрозу даже без языка.

— Что он говорит? — спросила Леонор шёпотом.

Инес не ответила. Лицо её стало каменным.

Юсуф поднял руку.

Во дворе сразу стихло. Высокий мужчина замолчал не сразу, но замолчал. Он был недоволен, однако не настолько безумен, чтобы не понять границу.

— По-кастильски, Хамид, — сказал Юсуф спокойно. — Пусть наша гостья тоже услышит, что ты предлагаешь.

Высокий мужчина, которого звали Хамидом, усмехнулся. Его кастильский был хуже, чем у Юсуфа, грубее, но понятен.

— Я говорю: пусть её люди увидят цену. Пусть письмо уйдёт с её волосом, с её вуалью, с кровью одного из этих псов. Пусть Мендоса знает, что невеста не в церкви ждёт. Тогда золото придёт быстрее. Или крепости. Или пленные. А если они медлят, есть союзники, которым нужна жена с христианской кровью. Так мы ударим дважды.

Дон Родриго зарычал и дёрнулся так, что стражник едва удержал его.

Отец Мартин громко произнёс:

— Господь покарает святотатцев!

Хамид повернулся к нему с нехорошей улыбкой.

— Твой Господь далеко от этих стен, священник.

Отец Мартин побледнел, но крест не опустил.

Леонор стояла неподвижно. Слова Хамида проникали в неё медленно, будто нож входил через плотную ткань. Волос. Вуаль. Кровь. Союзники, которым нужна жена с христианской кровью. Он говорил не обязательно о немедленном насилии, но сама возможность была брошена в воздух нарочно, чтобы унижить, испугать, заставить почувствовать: её тело, имя, вера, девичество, всё это можно разложить на части и отправить в письме как аргументы.

Она хотела отступить. Не от Хамида даже, а от того мира, в котором подобные предложения можно было произносить при людях как разумный военный совет. Но отступить было некуда. Позади стояла донья Инес, рядом — стражники, впереди — Юсуф.

Юсуф всё ещё не двигался.

— Ты закончил? — спросил он.

Хамид пожал плечами.

— Я говорю то, что другие думают. Мы потеряли людей сегодня. Взяли хорошую добычу. Надо пользоваться. Пока она чистая и целая — да. Но страх стоит дороже золота. Если Кастилия не боится за неё, пусть боится позора.

Он сказал это почти деловито. И именно эта деловитость заставила Леонор впервые за вечер почувствовать не только страх, но и тошноту.

Юсуф сделал шаг к Хамиду.

Никто не успел понять, что произойдёт. Движение было коротким, без замаха. Ладонь Юсуфа ударила Хамида по лицу так резко, что тот отступил на шаг и схватился за щеку. Во дворе раздался общий вдох. Хамид поднял голову, и на мгновение Леонор решила, что он бросится на Юсуфа, но тот уже смотрел на него так, что это было бы самоубийством.

— Ещё раз, — произнёс Юсуф очень тихо, — ты назовёшь пленницу добычей в моём дворе, и я велю вырезать это слово у тебя с языка.

Хамид тяжело дышал. На его губе выступила кровь.

— Она христианка.

— Она заложница.

— Разница?

Юсуф приблизился ещё на полшага.

— Разница в том, что христианка может умереть, и завтра о ней будут плакать только её женщины. Заложница может умереть, и послезавтра у наших ворот будут стоять люди, которым понадобится не золото, а мечь. Разница в том, что испуганная семья торгуется, а оскорблённый род требует крови. Разница в том, что пока её имя не запятнано нашими руками, её имя работает на нас. Если ты не понимаешь этого, Хамид, значит, рана у тебя не на запястье, а в голове.

Несколько мужчин опустили глаза. Хамид молчал, но молчание его было злым.

Юсуф повернулся к остальным.

— С этого часа никто не говорит с сеньоритой Леонор без моего приказа. Никто не входит к ней без женщины-свидетельницы. Никто не касается её, кроме её служанки, дуэньи или лекаря, если понадобится. Кто нарушит — потеряет руку. Кто попытается использовать её имя для своей выгоды — потеряет больше. Она нужна живой, невредимой и такой, чтобы даже её враги не смогли сказать, что Гранада ведёт себя как шайка разбойников.

Он говорил на арабском, но потом повторил главное по-кастильски, глядя уже на Леонор:

— Вас не тронут.

Эти слова должны были принести облегчение. Часть Леонор действительно ухватилась за них, как утопающий за доску. Не тронут. После слов Хамида это казалось почти милостью. Но другая часть, более гордая и более честная, сразу услышала то, что стояло за этой милостью: её не тронут не потому, что она человек, а потому, что так выгоднее.

— Вы ждёте благодарности? — спросила она.

Юсуф посмотрел на неё.

— Нет.

— Хорошо. Потому что я не стала бы благодарить.

Кто-то у стены тихо выдохнул, то ли от возмущения, то ли от удивления. Донья Инес едва заметно закрыла глаза, как женщина, которая заранее знает: молодая гордость дорога, но слишком часто выставляет счёт старым костям.

Юсуф не рассердился. Или не показал.

— Вы считаете защиту оскорблением?

— Я считаю оскорблением, когда человек сначала берёт меня в плен, а потом предлагает радоваться, что не позволил другим обойтись со мной хуже.

— Вы предпочли бы Хамида?

— Я предпочла бы дорогу, на которой меня не похищают.

— Эта дорога уже позади.

— Значит, вы говорите только о выборе между разными цепями.

Юсуф чуть склонил голову. В свете факела красный плащ за его плечом казался тенью от крови, но лицо оставалось спокойным.

— Цепи бывают разной длины, сеньорита.

— Но от этого они не перестают быть цепями.

В этот раз он почти улыбнулся. Не тепло, не насмешливо — скорее с коротким признанием удара.

— Вы правы.

Леонор этого не ожидала. Гнев, угрозу, презрение — да. Но не согласие.

— Тогда отпустите меня, — сказала она.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу. Без колебания. Даже без жестокости. Просто дверь закрылась.

— Значит, ваша справедливость кончается там, где начинается ваша выгода.

— Моя справедливость, — сказал Юсуф, — не имеет роскоши быть чистой. На этой границе чистые решения живут недолго.

— Удобные слова для человека, у которого есть меч и стража.

— Возможно.

Он снова не спорил там, где другой мужчина, кастилец или мавр, начал бы доказывать свою правоту громче. Это раздражало сильнее. Крику можно было противопоставить молчание, грубости — презрение, угрозе — молитву. Но спокойствие Юсуфа требовало ответа разумом, а разум Леонор устал, был ранен и всё равно не хотел уступать.

— Что вы собираетесь делать со мной? — спросила она.

— Сохранить.

— Как сохраняют вещь?

— Как сохраняют письмо, от которого зависит, начнут ли люди умирать быстрее.

— Я не письмо.

— Нет. Но ваше имя им станет.

Эти слова были почти теми же, что уже сложились у неё внутри на дороге. Услышать их вслух оказалось большее. Леонор почувствовала, что может сорваться: закричать, броситься на него, ударить, заплакать. Всё это было бы одинаково бесполезно. Поэтому она сделала единственное, что могла: выпрямилась ещё сильнее.

— Моя семья заплатит выкуп.

Юсуф помолчал.

— Возможно.

Это “возможно” прозвучало хуже отказа.

— Что значит — возможно?

— Это значит, что семьи часто говорят о чести громче, чем открывают сундуки. Ваш род будет считать. Ваш жених будет считать. Кастильцы будут считать, как использовать ваш плен против нас. Мои люди будут считать, как использовать вас против них. Все будут считать, сеньорита Леонор. Вам лучше понять это раньше.

— А вы?

— Я уже считаю.

Она ненавидела его в эту минуту за честность. Ненавидела почти с благодарностью, если такое возможно. Он не притворялся благородным спасителем. Не говорил, что война заставила его, что обстоятельства сложны, что Господь или Аллах рассудят. Он стоял перед ней и открыто признавал: она нужна ему. Не как женщина. Не как гостя. Как имя, письмо, довод.

И всё же, когда Хамид снова пошевелился у стены, Леонор невольно шагнула чуть ближе к Инес. Юсуф заметил это, конечно. Человек, который видел такие мелочи, не мог не заметить. Но ничего не сказал.

Старший воин, командовавший засадой, приблизился к нему и тихо заговорил. На этот раз Юсуф слушал дольше. Потом задал несколько вопросов. В его голосе, даже когда он говорил по-арабски, Леонор слышала не раздражение, а работу мысли. Он выяснял, сколько людей потеряно, кто ушёл, кто мог добраться до кастильцев, какие следы оставлены, сколько времени до того, как известие о нападении разойдётся по дороге. Её судьба вплеталась в расчёт, где были лошади, трупы, горные тропы и политические последствия.

Наконец Юсуф повернулся к стражникам.

— Отвести пленных. Раненых — к лекарю. Мёртвых завтра похоронить за стеной, если их не заберут свои. Священнику дать воду и место у очага. Дона Родриго держать отдельно. Он слишком много говорит для человека со связанными руками.

— Я требую быть рядом с моей родственницей! — крикнул дон Родриго, поняв по тону, что речь о нём.

— Вы не в положении требовать, — ответил Юсуф по-кастильски.

— Она девица благородной крови! Ей нужен защитник!

Юсуф посмотрел на Леонор.

— У неё есть дуэнья.

— Женщина не защита!

— В этом дворе сейчас она лучшая защита для её чести, чем вы.

Дон Родриго задохнулся от ярости. Леонор тоже хотела возразить, но слова застряли. Потому что, как ни горько было это признать, Юсуф сказал правду. Дон Родриго с мечом не защитил её на дороге. Донья Инес без меча всё ещё стояла рядом.

— Я не оставляю её среди неверных! — продолжил дон Родриго.

— Вы уже оставили, когда проиграли перевал.

Это было жестоко. И точно. Дон Родриго дёрнулся так, что его снова удержали двое.

— Юсуф ибн Саид! — выкрикнул он. — Ты ответишь за это перед Богом!

Юсуф задержал на нём взгляд.

— Перед Богом каждый отвечает за своё. За перевал сегодня отвечали вы.

После этого он отвернулся, показывая, что разговор окончен. Дона Родриго увели, и Леонор успела увидеть его лицо: не только гневное, но и потрясённое. Для него поражение было, возможно, страшнее боли. Он ехал защитником невесты, представителем рода, мужчиной, которому доверили честь дома. Теперь он был связан, унижен и отстранён от решения, а честь, которую он должен был охранять, стояла под чужой властью.

Отец Мартин попытался приблизиться к Леонор, но стражник преградил ему путь. Юсуф разрешил ему сказать несколько слов. Капеллан подошёл, дрожащими пальцами поднял крест и прошептал:

— Дочь моя, держитесь веры. Не принимайте пищи, если она принесена с их молитвой, не слушайте их ложных мудрецов, не отвечайте на вопросы без нужды. Господь испытывает вас.

— Отец, — тихо сказала Леонор, — позаботьтесь о раненых, если вам позволят.

Он моргнул, словно её просьба удивила его.

— О раненых?

— Среди наших есть люди, которым нужна исповедь. И среди них, возможно, есть те, кому нужна вода больше, чем мои наставления.

Капеллан покраснел, потом опустил глаза.

— Да. Конечно. Я... да, дочь моя.

Он перекрестил её. Леонор склонила голову, но заметила, что Юсуф наблюдает за ними. Не с насмешкой. С вниманием. Ей стало неприятно, будто чужой взгляд вошёл туда, где должна была быть только её вера. Она прикрыла крест рукой.

— Бояться нужно не того, кто видит вашу молитву, — сказал Юсуф негромко, когда капеллана увели.

— А кого?

— Того, кто захочет воспользоваться ею.

— Вы говорите о себе?

— И обо всех остальных.

Леонор устала от его ответов. В них не было удобной формы, которую можно ненавидеть без остатка. Он говорил слишком много правды для врага и слишком мало милости для спасителя.

Инес вмешалась впервые с момента появления Юсуфа. Она сделала маленький шаг вперёд, насколько позволяла осторожность, и низко, но не рабски склонила голову.

— Сеньор, если вы намерены сохранить мою госпожу живой и здоровой, ей нужно место, где она сможет умыться и отдохнуть. Она провела день в дороге, пережила нападение и не ела с утра.

Хамид у стены хрипло усмехнулся, но под взглядом Юсуфа сразу отвернулся.

— Ваше имя? — спросил Юсуф.

— Донья Инес де Валькарсе, дуэнья сеньориты Леонор.

— Вы говорите так, будто отдаёте приказ.

— Я говорю так, будто знаю, что девушка не становится менее ценной, когда падает от усталости. Если вы действительно считаете её важной, сеньор, начните с воды.

На этот раз Юсуф улыбнулся заметнее, хотя улыбка была короткой.

— Хороший совет.

— Старые женщины редко дают плохие. Просто мужчины редко слушают вовремя.

Несколько воинов не поняли слов, но услышали тон и удивлённо переглянулись. Леонор почувствовала прилив гордости за Инес такой сильный, что на мгновение страх отступил. Да, они были в плену. Да, вокруг стояли вооружённые люди. Но донья Инес ухитрялась говорить с их командиром так, будто обсуждала не условия содержания заложницы, а нерадивого управляющего на кухне.

Юсуф повернулся к молодому воину со шрамом.

— Самир. Комната в восточной башне. Две женщины у двери, не мужчины. Еду проверить. Воду принести сразу. И пришлите Фатиму.

Самир склонил голову.

— Слушаю, господин.

— Кто такая Фатима? — спросила Леонор.

— Женщина, которая не испугается вашей дуэньи, — ответил Юсуф.

Инес фыркнула.

— Значит, разумная.

Юсуф посмотрел на Леонор.

— Сегодня вы останетесь здесь. На рассвете я решу, как отправить вас дальше.

— Дальше?

— Эта крепость не место для вас.

— А какое место для заложницы кажется вам более приличным?

Он не ответил сразу. Во дворе стало слышно, как где-то у конюшни лошадь бьёт копытом. На стене потрескивал факел. Ночь уже полностью легла на крепость, но над башнями виднелась полоска глубокого синего неба.

— Альгамбра, — сказал Юсуф.

Название прозвучало почти мягко, как слово из другого мира. Леонор слышала его раньше. В христианских домах о нём говорили по-разному: одни называли его гнездом неверных, другие — красным дворцом, третьи, особенно купцы и люди, бывавшие южнее, понижали голос и рассказывали о садах, воде, белых стенах, тонкой резьбе, о красоте, которую невозможно описать без греха зависти. В детстве Леонор представляла Альгамбру сказочной крепостью, где за каждым окном скрывается опасность, а фонтаны поют на чужом языке. Потом она выросла и перестала верить в сказки. Теперь сказка сама открывала перед ней ворота — не как чудо, а как тюрьма.

— Вы отправите меня в Гранаду? — спросила она.

— Да.

— Зачем?

— Там вас легче защитить.

— От кого? От ваших людей?

— От моих людей тоже.

Эта честность снова ударила её. Юсуф мог бы солгать. Мог бы сказать — от разбойников, от дороги, от войны. Вместо этого признал, что опасность окружает её не только снаружи.

— И там меня легче использовать, — сказала Леонор.

— Да.

Инес тихо втянула воздух, но Леонор не пожалела о словах. Она хотела услышать ложь, чтобы презирать его. Хотела услышать благородное оправдание, чтобы разрушить его. Но Юсуф снова не дал ей удобного врага.

— Вы всегда отвечаете так прямо? — спросила она.

— Нет. Только когда ложь бесполезна.

— А когда полезна?

— Тогда я предпочитаю молчать.

Усталость вдруг навалилась на Леонор так тяжело, что она едва не покачнулась. Всё: дорога, нападение, кровь, Хамид, дон Родриго, имя Альгамбры, этот человек с красным плащом, который то защищал её, то спокойно называл орудием, — стало слишком большим для одного вечера. Она почувствовала, как Инес поддержала её под локоть.

Юсуф заметил и это.

— Отведите их, — приказал он.

Самир шагнул вперёд и жестом показал, куда идти. Леонор не двинулась сразу. Она понимала, что если сейчас послушно пойдёт, то впервые примет порядок, установленный её тюремщиками. Но если не пойдёт, её поведут силой, и это будет ещё хуже. Гордость тоже нуждалась в разуме, иначе превращалась в подарок врагу.

Она посмотрела на Юсуфа.

— Я пойду, потому что устала, а не потому что признаю вашу власть надо мной.

— Признавать её не обязательно, — сказал он. — Она уже есть.

Это было жестоко. Но сказано без торжества.

Леонор медленно прошла мимо него. На мгновение они оказались так близко, что она почувствовала запах его одежды: кожа, дым, железо и что-то сухое, горьковатое, возможно, трава, которой натирали плащи от насекомых. Он не отступил и не приблизился. Просто стоял, позволяя ей пройти, как позволяют пройти человеку, которому оставили право на достоинство, но не на путь.

В восточной башне было холодно. Комната оказалась небольшой, с толстыми стенами, узким окном под самым потолком, деревянной лавкой, низкой кроватью и ковром, вытертым посередине. По меркам крепости это, наверное, было хорошее помещение. По меркам Леонор — каменный мешок. Но там стоял кувшин с водой, таз, несколько чистых полотенец и глиняная лампа. Через несколько минут пришла полная женщина в тёмном покрывале, назвавшаяся Фатимой. Она говорила по-кастильски лучше многих воинов, с мягким южным произношением, и сразу осмотрела Леонор так, как смотрят женщины: не на цену, не на род, не на политическую пользу, а на сбитую вуаль, грязные руки, пересохшие губы, след от поводов на ладони.

— Сядьте, госпожа, — сказала Фатима. — И вы, мать, тоже. Вода чистая. Еда будет скоро.

— Мы не ваши госпожи, — сухо ответила Инес.

— Сегодня это слово проще, чем все остальные, — сказала Фатима без обиды.

Леонор опустилась на лавку. Ноги дрожали сильнее, чем она думала. Инес сняла с неё вуаль, осторожно расправила ткань, и только тогда Леонор увидела, что край порван. Такая мелочь — и от неё защипало в глазах. Не от самой вуали. От того, что утром она была невестой в пути, а ночью сидела в мавританской крепости и радовалась кувшину воды.

— Не плачь сейчас, — тихо сказала Инес, наклоняясь к ней.

— Я не плачу.

— Вот и хорошо. Потом, если потребуется, поплачешь так, чтобы никто не видел.

Фатима сделала вид, что не слышит. Она налила воду, подала Леонор чашу, потом поставила рядом миску с финиками, лепёшкой и мягким сыром. Инес посмотрела на еду подозрительно.

— Вино? — спросила она.

Фатима покачала головой.

— Нет. Вода. Молоко, если хотите.

— Не хочу, — сказала Леонор.

Она взяла чашу и вдруг поняла, что жажда мучила её уже давно. Вода была тёплой, с привкусом глины, но после пыли дороги показалась почти сладкой. Она пила медленно, потому что Инес смотрела на неё с предупреждением: благородная девушка не должна набрасываться на воду даже в плену. Леонор едва не рассмеялась от этой мысли. Мир рушится, люди мертвы, её везут в Альгамбру как политический довод, но правила приличия всё ещё требуют пить маленькими глотками.

— Он всегда такой? — спросила она у Фатимы неожиданно для самой себя.

Женщина поняла, о ком речь. Не стала уточнять.

— Юсуф ибн Саид?

Леонор кивнула.

Фатима подумала.

— Нет. Иногда хуже.

Инес подняла бровь.

— Превосходное утешение.

— Я не утешаю, мать. Я отвечаю.

— Он жесток? — спросила Леонор.

Фатима поставила кувшин на стол.

— Он не любит лишней жестокости. Но это не одно и то же, что доброта.

Леонор молчала. Лучше, пожалуй, и нельзя было сказать. Она видела это во дворе. Юсуф остановил Хамида не потому, что мысль о её страдании была ему невыносима. Он остановил его, потому что лишняя жестокость портила расчёт, превращала заложницу в оскорбление, а оскорбление — в огонь. Но при этом он остановил. И этот факт, как заноза, не позволял ненависти стать чистой.

— Он отправит нас в Альгамбру? — спросила Инес.

— Если сказал, значит, отправит.

— Там безопаснее?

Фатима взглянула на дверь, за которой стояли женщины-стражницы.

— Для тела — да. Для сердца и языка — нет.

— Что это значит? — спросила Леонор.

— Это значит, госпожа, что в крепости мужчина может ударить, если он глуп. Во дворце умные люди улыбаются, прежде чем ударить чужими руками.

Инес хмыкнула.

— Наконец-то разумная женщина в этом доме.

Фатима слегка улыбнулась.

— Я же говорила.

После еды, которую Леонор почти не смогла проглотить, Фатима ушла. У двери остались две женщины. Инес уложила Леонор на кровать, как в детстве, хотя та уже давно была не ребёнком. Сама дуэнья устроилась на ковре рядом, отказавшись от второй подстилки, которую принесли позже. Она сказала, что старые кости многое помнят и камня не боятся, но Леонор понимала: Инес просто не хочет спать слишком далеко.

Лампа горела тускло. За стеной слышались шаги. Где-то внизу звякало оружие, переговаривались мужчины, стонал раненый. Крепость не спала. Леонор тоже не могла уснуть. Стоило закрыть глаза, и она снова видела перевал: стрелу в шее охранника, кровь на пыли, донна Родриго лицом вниз, Хамида, говорящего о её волосе и вуали, Юсуфа, который ударил его без крика.

— Инес, — прошептала она.

— Я здесь.

— Если меня отправят в Альгамбру...

— Мы поедem вместе.

— А если нас разделят?

— Тогда я укушу первого, кто попробует.

Леонор повернула голову. В полутьме она не видела лица дуэньи, но услышала в её голосе ту самую сухую твёрдость, которая когда-то заставляла кухарок прятать недопечённые пироги, а молодых слуг — выпрямляться при одном её взгляде.

— Ты правда укусишь мавританского стражника? — спросила Леонор.

— Если он попытается разлучить меня с девочкой, которую я вырастила, я укушу хоть самого эмира. А потом, вероятно, умру, но сначала доставлю ему неудобство.

Леонор закрыла глаза, и на этот раз слёзы всё-таки выступили. Она не всхлипнула, не позволила себе звука, но слёзы потекли к виску и в волосы. Инес, кажется, поняла. Не стала утешать словами. Просто протянула руку и положила ладонь поверх её руки.

— Он сказал, что я буду жива, пока остаюсь полезной, — прошептала Леонор.

— Значит, стань такой полезной, чтобы они боялись потерять тебя раньше, чем Господь откроет дверь.

— Это звучит не очень благочестиво.

— Зато практично.

Леонор слабо улыбнулась сквозь слёзы. Потом снова вспомнила Юсуфа. Его голос: “Все будут считать”. Его взгляд: спокойный, внимательный, не позволяющий спрятаться за привычные слова. Его красный плащ в свете факелов. Враг. Тюремщик. Человек, который сохранил её неприкосновенной и тут же объяснил, что неприкосновенность — часть цены.

— Я не буду благодарить его, — сказала она.

— Не благодари, — ответила Инес. — Просто запоминай.

— Что?

— Всё. Кто говорит. Кто молчит. Кто смотрит на тебя как на женщину, кто как на мешок золота, кто как на письмо, а кто как на опасность. В плену память иногда острее ножа.

Леонор лежала без сна ещё долго. Ночь тянулась, будто её размотали из чёрной шерсти и никак не могли добраться до конца. Иногда она слышала шаги у двери и голоса женщин. Один раз внизу кто-то громко вскрикнул — то ли от боли, то ли от дурного сна. Потом всё стихло. Только ветер шуршал где-то в бойнице, принося запах гор и дыма.

На рассвете дверь открылась.

Леонор сразу проснулась, хотя ей казалось, что она вовсе не спала. В комнату вошла Фатима с водой и чистой вуалью. За ней стоял Самир. Молодой воин держался у порога, не входя без разрешения женщины, как и было приказано. Это странное соблюдение правил внутри плена снова задело Леонор: её лишили свободы, но установили вокруг неё порядок, почти приличие. Словно клетка от этого становилась менее клеткой.

— Собирайтесь, госпожа, — сказала Фатима. — Вы едете в Гранаду.

Инес поднялась с ковра, поморщившись от боли в спине.

— Уже?

— Пока дорога безопасна.

— Для кого? — спросила Леонор.

Фатима не ответила. Вместо неё заговорил Самир, осторожно подбирая кастильские слова:

— Господин Юсуф велел сказать: вы поедете не с пленными. Под его охраной. Вам дадут лошадь, воду, закрытую повозку, если захотите. Донья Инес едет с вами.

— А дон Родриго? — спросила Леонор.

Самир замялся.

— Он останется здесь. Пока.

— Нет.

Слово вырвалось раньше мысли. Леонор поднялась.

— Он мой родственник. Я требую...

Она оборвала себя. Требовать было нечем. Это стало ясно ещё вчера, но душа не желала привыкать к новому порядку.

— Господин Юсуф сказал, — продолжил Самир мягко, словно ему было неприятно передавать это, — что дон Родриго поедет позже, когда перестанет пытаться оскорблять каждого человека, у которого есть нож.

Инес коротко вздохнула.

— Увы, это может занять годы.

Леонор бросила на неё возмущённый взгляд, но в глубине души поняла: Юсуф снова был не совсем неправ. Дон Родриго в дороге мог стать причиной драки, а драка — причиной смерти. Эта разумность врага начинала казаться ловушкой. Она не оправдывала его, но мешала видеть в нём только чудовище.

Когда Леонор вывели во двор, солнце ещё не поднялось над стенами. Небо было бледным, почти серебряным, с холодной полосой золота у края гор. Воины готовили лошадей. У ворот стояли несколько всадников в лучших плащах, чем вчерашние участники засады. На одном из копий трепетал маленький красный знак с соколом.

Юсуф ждал у ворот.

При дневном свете он выглядел иначе. Ночь и факелы придавали ему почти легендарную резкость, а утро вернуло человеческие черты: усталость у глаз, след старого шрама у подбородка, пыль на сапогах, тёмную повязку на левом предплечье, которую Леонор не заметила вчера. Значит, он тоже был ранен или недавно сражался. Но эта человеческая подробность не сделала его мягче. Скорее наоборот. Он казался человеком, который не просит у боли позволения продолжать дела.

— Сеньорита, — сказал он.

— Господин Юсуф, — ответила Леонор после короткой паузы.

Инес одобрительно хмыкнула: обращение было достаточно вежливым, чтобы не выглядеть безумием, и достаточно холодным, чтобы не выглядеть покорностью.

— Через два дня вы будете в Альгамбре, если дорога позволит, — сказал Юсуф. — Там вам дадут комнаты и женщин для присмотра. Вашей семье будет отправлено письмо. Вашему жениху тоже.

— Письмо от меня?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что сначала я хочу узнать, что они готовы предложить без ваших слёз на пергаменте.

Леонор побледнела.

— Вы думаете, я стала бы писать слёзы?

— Нет. Поэтому ваше письмо было бы менее полезным.

Она смотрела на него, не зная, возмутиться или признать, что он слишком быстро понял её. Если бы ей дали перо сейчас, она написала бы сдержанно, гордо и так, чтобы никто не мог сказать, будто Леонор де Асторга умоляет. Именно поэтому письмо, возможно, и правда не годилось для тех, кто хотел напугать её род.

— Вы не имеете права писать от моего имени.

— Я и не буду. Я напишу от своего.

— И что вы скажете?

— Что вы жива. Невредима. Под моей защитой. И что люди, которым дорого ваше имя, должны вспомнить, насколько оно им дорого.

— Вы называете это защитой?

— Да.

— Я называю это вымогательством.

— Называйте точно: политикой.

Леонор усмехнулась, хотя ей совсем не было весело.

— Удобное слово. Им, наверное, можно накрыть любой грех.

— Ваши короли тоже так считают.

Это задело её сильнее, чем должно было. Она хотела сказать, что христианские монархи ведут справедливую войну, что Гранада держится против Божьей воли, что неверные не имеют права сравнивать себя с теми, кто несёт крест. Но слова не вышли. Вчера её собственные христианские мужчины торговали ею до того, как письмо вообще было написано. Нет, она ещё не знала этого наверняка. Но страх уже знал.

— Вы отправляете меня в красивую тюрьму? — спросила она.

Юсуф посмотрел на краснеющее небо над горами.

— В более прочную.

— А красота — случайность?

— Нет. Красота тоже власть.

Эта фраза осталась между ними. Леонор тогда ещё не знала, как часто будет вспоминать её в Альгамбре, где вода поёт среди стен, а двери закрываются тише, чем в крепости.

Юсуф сделал знак. Самир подвёл к ней лошадь — спокойную серую кобылу с мягкой поступью. Рядом стояла небольшая повозка с навесом, но Леонор, едва взглянув на неё, покачала головой.

— Я поеду верхом.

Инес нахмурилась.

— Дитя, ты устала.

— Тем более не хочу, чтобы меня везли как сундук.

Юсуф услышал и ничего не сказал. Только велел Самиру проверить подпругу.

Когда Леонор поднялась в седло, ей показалось, что двор смотрит на неё иначе, чем вчера. Не добрее. Не уважительнее. Просто внимательнее. Хамид стоял у стены с распухшей губой и ненавистью во взгляде. Он не сказал ни слова, но Леонор поняла: приказ Юсуфа защитил её от его рук, но не от его памяти. В крепости у неё уже был враг, для которого её целостность была унижением.

Юсуф подошёл ближе к её лошади.

— Сеньорита Леонор.

Она посмотрела вниз.

— Что ещё?

— В Альгамбре вам будут говорить более мягко, чем здесь. Не верьте мягкости только потому, что она приятнее грубости.

Совет был неожиданным.

— Вы предупреждаете меня о своих?

— Я предупреждаю вас о дворе.

— Почему?

Юсуф поднял глаза. На этот раз в его взгляде было что-то почти личное, но оно исчезло раньше, чем Леонор смогла понять.

— Потому что испуганная заложница бесполезна. А мёртвая — опасна.

Она коротко кивнула.

— Значит, снова выгода.

— Да.

— Тогда позвольте и мне дать вам совет, господин Юсуф.

Самир напрягся рядом. Инес тихо пробормотала что-то, похожее на молитву и проклятие одновременно.

Юсуф не остановил её.

— Говорите.

— Не привыкайте думать, что если вы называете цепи необходимостью, они становятся легче для того, кто их носит.

Он молчал. Долго, по меркам двора, где уже ждали команды выступить. Потом слегка склонил голову.

— Запомню.

Леонор не знала, насмешка это или правда. Но в этот момент ворота крепости открылись, и утренний свет хлынул внутрь. Перед ней снова была дорога. Только теперь она вела не к жениху, выбранному семьёй, и не назад к дому, где её имя обсуждали как часть договора. Она вела в Гранаду, к красному дворцу, о котором говорили шёпотом, к садам и стенам, где красота, по словам её тюремщика, тоже была властью.

Отряд двинулся.

Леонор ехала между доньей Инес и Самиром, под красным знаком сокола, среди людей, которым было приказано хранить её жизнь так тщательно, как хранят запечатанный договор. Позади оставалась пограничная крепость, где она впервые увидела Юсуфа ибн Саида и поняла: спасение иногда имеет лицо врага, а милость может быть всего лишь другим именем расчёта.

У ворот она обернулась.

Юсуф стоял во дворе, красный плащ неподвижно лежал на плечах, лицо было обращено к дороге. Он не махнул рукой, не произнёс прощания, не сделал ничего, что могло бы превратить их разговор в человеческий. Но Леонор всё равно почувствовала его власть — не над сердцем, нет, ещё нет, а над обстоятельствами, над людьми, над каждым шагом, который теперь отделял её от прежней жизни.

Она не стала благодарить его за мягкие цепи.

Но запомнила, как они звенят.

Глава 3. Гостя с запертой дверью

Гранада открылась Леонор не сразу. Сначала были только горы, дорога и тёплая пыль, поднятая копытами отряда. Два дня пути после пограничной крепости смешались в одно длинное испытание, где утро отличалось от вечера только цветом света на камнях. Солнце выжигало склоны, ветер приносил запах сухих трав, а люди Юсуфа ибн Саида ехали молча, почти не переговариваясь. Они не обращались с Леонор грубо, но это ровным счётом ничего не меняло: даже самая мягкая рука, державшая повод, не становилась от этого менее чужой.

Самир, молодой воин со шрамом на щеке, сопровождал её почти постоянно. Он ехал чуть впереди и сбоку, так, чтобы видеть дорогу и одновременно не упускать из виду пленницу. После приказа Юсуфа он старательно соблюдал все границы приличия, будто сам этот приказ был теперь частью его чести. Он не смотрел на Леонор без нужды, не задавал вопросов и всякий раз, когда требовалось остановиться, сначала обращался к донье Инес, а уже через неё — к самой Леонор. Такая осторожность раздражала почти сильнее грубости. В грубости хотя бы была ясность. В этой вежливой охране всё время звучало напоминание: её не оскорбляют, потому что так велено; её не трогают, потому что так выгодно; её спрашивают, хочет ли она воды, но не спрашивают, хочет ли она ехать дальше.

Донья Инес держалась рядом, насколько позволяла дорога. За эти два дня она, казалось, стала ещё суше и строже, словно страх вытянул из неё лишнюю мягкость, оставив один упрямый остов. Утром она поправляла Леонор вуаль, днём следила, чтобы та пила достаточно воды, вечером, когда отряд останавливался на ночлег в укрепленном доме или на безопасном дворе у союзников Юсуфа, лично осматривала поданные им покрывала, еду и кувшины. Если мавританские женщины, приставленные к ним, улыбались, Инес отвечала сухим кивком. Если мужчины приближались слишком близко, она так смотрела на них, что даже не знающие кастильского понимали: старая христианка способна поднять шум, от которого не выиграет никто.

Леонор в эти дни почти не говорила. На первый взгляд молчание выглядело достоинством, и, возможно, сопровождавшие принимали его именно за это. На самом деле ей требовалось слишком много сил, чтобы не смотреть назад. Вчерашняя жизнь не отступала сразу. Она настигала её в мелочах: в скрипе седла, напоминавшем повозку с приданым; в звоне металла у пояса Самира, похожем на звон мечей на перевале; в каждом сухом кусте на склоне, где мог прятаться лучник. Иногда ей казалось, что стоит обернуться, и она снова увидит дона Родриго со связанными руками, отца Мартина с требником у груди, разбитое колесо, кровь на пыли и камни, слишком ровно перегородившие дорогу.

Но назад дороги не было. Не потому, что её сторожили. Этого тоже хватало, но было не главным. Назад уже не было той Леонор, которую везли к жениху. Ту девушку похитили на перевале вместе с сундуками, вуалью и родовыми ожиданиями. Теперь под охраной красного сокола ехала другая — ещё не свободная, ещё не понимающая собственной судьбы, но уже слишком многое увидевшая, чтобы снова стать прежней послушной невестой.

На третье утро дорога начала спускаться, и воздух переменялся. Горы отступили не сразу, но между ними появилась широта, мягкий свет, дальние зелёные пятна садов и орошённых земель. Внизу, за дымкой, возникли стены, башни и белые дома, избегающие по склонам. Сначала Леонор решила, что это игра света. Потом город проступил яснее: террасы, крыши, минареты, башни, полосы садов, красноватые стены на холме, которые казались не построенными, а выросшими из самой земли.

Гранада.

Отец Мартин, если бы он ехал рядом, перекрестился бы и начал читать молитву против искушения. Дон Родриго, наверное, сказал бы, что это гнездо неверных, последний нарыв на теле христианской Испании, крепость упрямства, которую короли рано или поздно очистят

огнём и крестом. Леонор знала все эти слова. Слышала их в доме, в церкви, в разговорах мужчин после вина. Но теперь, увидев Гранаду издалека, она не смогла заставить себя увидеть только вражеское логово.

Город был прекрасен.

Эта мысль испугала её сильнее, чем если бы впереди показались чёрные стены и виселицы. Против уродства душа умеет защищаться. Уродство легче ненавидеть. Красота же входит в глаза без разрешения и начинает спорить с тем, что тебе велели чувствовать.

— Не смотри так, дитя, — тихо сказала донья Инес.

Леонор вздрогнула.

— Как?

— Так, будто тебе жаль, что это город врагов.

Леонор хотела возразить, но слова показались бессмысленными. Ей и правда было жаль. Не врагов — нет, не их. Не Юсуфа с его холодной честностью, не Хамида с его жестокими предложениями, не тех, кто стрелял в её людей на перевале. Ей было жаль сам город, потому что над ним уже стояла тень войны. Даже издалека Гранада казалась не победной, а окружённой собственной красотой, как человек, который надел лучшее платье перед смертельным приговором.

— Я просто не думала, что она такая, — сказала Леонор.

Инес проследила за её взглядом. Лицо дуэньи оставалось строгим, но глаза тоже задержались на белых кварталах и красных стенах на холме.

— Красота не делает место праведным.

— Я знаю.

— И неправедным тоже не делает, — добавила Инес после паузы, так тихо, что эти слова, возможно, предназначались только ей самой.

Отряд двинулся дальше. Чем ближе они подъезжали, тем сильнее город переставал быть дальним видением и становился живым. На дорогах стало больше людей: крестьяне с корзинами, погонщики мулов, женщины в покрывалах, мальчишки, бегущие за телегой, старики, сидящие в тени у стен. Кто-то смотрел на всадников с любопытством, кто-то отворачивался, кто-то узнавал красный знак сокола и почтительно отступал. Леонор ловила взгляды и понимала, что её видят. Не просто женщину в дорожной одежде, не просто христианку, не просто пленницу. Видят событие. В город входила чужая дворянка под охраной людей Юсуфа ибн Саида, и это уже само по себе было новостью, которая к вечеру разойдётся по дворам, лавкам, баням и кухонным помещениям дворца.

Самир подъехал ближе, но не настолько, чтобы нарушить приличие.

— Госпожа, — сказал он осторожно. — Когда войдём в город, лучше держать вуаль ниже.

Инес сразу насторожилась.

— Зачем?

Самир замялся. Его кастильский был не достаточно тонок, чтобы объяснять политику мягко.

— Люди смотрят. Говорят. Не все умные.

— Не все умные есть в любом городе, — сказала Инес.

— Да, мать. Но здесь много ушей.

Леонор молча поправила вуаль. Ей не хотелось прятать лицо по приказу врага, но ещё меньше хотелось стать зрелищем для толпы. Свадебный отряд, который вёз её к дону Альваро, должен был входить в новый дом с достоинством, под взглядами слуг, родни и гостей. Теперь она входила в чужой город как заложница, и даже её закрытое лицо могло стать частью расказа: христианка, невеста, дочь Асторга, добыча красного сокола.

У городских ворот их задержали ненадолго. Стража узнала сопровождающих, но всё равно задавала вопросы. Леонор слышала, как имя Юсуфа произнесли с уважением, а её соб-

ственное — с любопытным нажимом. Один из стражников, совсем молодой, попытался заглянуть ей под вуаль. Самир что-то сказал ему так тихо, что Леонор не расслышала, но юноша побледнел и отступил. Приказ Юсуфа тянулся за ней невидимой верёвкой: неприятной, крепкой, но пока защищающей от тех, кто не знал меры.

Внутри ворота Гранады поглотили их шумом.

После горной дороги город показался не просто многолюдным, а переполненным жизнью. Узкие улицы шли вверх и вниз, изгибались между белыми стенами, прятались в тени нависающих верхних этажей, открывались маленькими площадями, где торговали фруктами, тканями, глиняной посудой, пряностями, маслом, железом и кожей. Откуда-то тянуло дымом жаровен, где пекли лепёшки. Рядом пахло апельсиновой кожурой, потом — мокрым камнем, потом — овечьей шерстью, потом — сладкими специями, от которых у Леонор закружилась голова. Она слышала арабскую речь, резкую и быструю, слышала что-то похожее на берберский говор, слышала кастильские слова из уст торговца, спорившего с погонщиком, слышала еврейскую молитвенную интонацию где-то за полуоткрытой дверью. В доме её отца мир делился проще: свои и чужие, христиане и неверные, те, кто под крестом, и те, кого нужно вернуть или победить. Здесь же всё смешивалось в движении, запахах, криках, товарах, лицах.

Леонор это смущало. Смущало почти до стыда. Враг не должен быть таким живым. Чужой город не должен пахнуть хлебом, детским потом, травами, лошадьми и водой из фонтанов. Ему полагалось пахнуть угрозой. Но Гранада пахла жизнью — трудной, тревожной, осаждённой, но жизнью.

Из-за вуали она видела обрывки лиц. Женщина с ребёнком на руках, заметив крест у неё на груди, быстро отвела взгляд. Старик у лавки с тканями проводил отряд прищуренными глазами. Две девочки, спрятавшись за корзиной с гранатами, смотрели на Леонор с жадным любопытством, пока их мать не шлёпнула одну из них по плечу и не велела не таращиться на чужую беду. Леонор не поняла слов, но поняла жест. Чужая беда. Значит, так она выглядела даже здесь.

Дорога вела выше. Белые дома постепенно уступили место более широким стенам, садам и укреплениям. Красные башни Альгамбры поднимались над городом всё ближе, и чем ближе они становились, тем труднее Леонор было дышать спокойно. Снизу дворец казался одновременно крепостью и миражом. Его стены были цвета высушенной крови, но в солнечном свете этот цвет становился тёплым, почти золотистым. Башни смотрели на город не грубо, как пограничная крепость, а царственно, будто привыкли, что всё вокруг существует лишь в отношении к ним.

— Это она? — спросила Леонор, хотя ответ был очевиден.

— Да, — сказал Самир. — Аль-Хамра.

Он произнёс название иначе, мягче и глубже, чем кастильцы, словно слово не принадлежало чужому языку, а было частью дыхания самих стен.

— Красная, — перевела Инес, неожиданно для Леонор.

— Ты знаешь?

— В молодости я слышала достаточно разговоров. Мужчины думают, что если женщина сидит у окна с шитьём, её уши тоже заняты иглой.

Самир посмотрел на неё с осторожным уважением. Кажется, он начинал понимать, что донья Инес была не просто старой служанкой при пленнице, а отдельной силой, которую лучше не задевать без нужды.

У подножия дворцового холма их встретили уже другие люди. Не пограничные воины в пыльных плащах, а дворцовая стража и чиновники в чистых одеждах, с лицами, где усталость скрывалась лучше, чем на границе. Отряд остановился у ворот. Самир спешил и передал письмо, запечатанное красной печатью сокола. Его читали долго, слишком долго для нескольких строк. Потом один из чиновников поднял глаза на Леонор. В этом взгляде не было ни гру-

бости Хамида, ни человеческой неловкости Самира, ни холодной прямооты Юсуфа. Он смотрел так, как ювелир смотрит на камень, перед тем как решить, куда его вставить и сколько он может стоять при правильном свете.

Леонор сразу не понравился этот взгляд.

— Что происходит? — спросила она.

Самир вернулся к ней.

— Вас примут во дворце.

— А вы?

— Я передам вас тем, кому велено. Потом доложу господину Юсуфу.

— Он здесь?

— Нет. Пока нет.

Это “пока” прозвучало как ещё одна невидимая дверь. Юсуф не встретил её у ворот Альгамбры. Не стоял в красном плаще на фоне арок, как в рыцарских историях враг, готовый предъявить свою пленницу двору. Он оставался где-то позади, в делах войны и крепостей, но его приказ шёл впереди неё, открывал ворота, назначал стражу, определял, кто имеет право войти в её комнату. Его отсутствие не освобождало от него.

Леонор спешила. Земля под ногами была твёрдой, но ей показалось, что она ступает на новую доску в игре, правил которой никто не собирается объяснять.

Инес спустилась следом, поморщилась от боли в спине и тут же выпрямилась так, будто спина была не её, а чести рода Асторга. К ним подошла женщина лет сорока с овальным лицом, тёмными внимательными глазами и покрывалом цвета старого золота. Одежда её была богаче, чем у Фатимы, но без показной роскоши. На пальцах блеснули тонкие кольца, у пояса висел маленький ключ — не простой хозяйственный ключ, а знак доступа к дверям, куда чужих не пускают.

— Сеньорита Леонор де Асторга? — спросила она на хорошем кастильском.

Леонор чуть склонила голову.

— Да.

— Я Зайнаб бинт Халид. Мне поручено устроить вас до решения совета и до прибытия господина Юсуфа.

До решения совета. До прибытия Юсуфа. Устроить. Ни одно из этих слов не звучало как свобода.

— Мне говорили, что я буду под защитой, — сказала Леонор.

— Так и есть.

— Гости не нуждаются в совете, который решает их судьбу.

Зайнаб посмотрела на неё внимательно. В её лице на миг мелькнуло что-то похожее на одобрение, но исчезло прежде, чем стало выражением.

— Здесь многие называются не тем словом, которое точнее всего описывает их положение. К этому привыкают.

— Я не хочу привыкать.

— Это редко спрашивают у тех, кому предстоит привыкнуть.

Инес тихо кашлянула, будто предупреждая Леонор, что новая женщина опаснее Самира именно потому, что говорит слишком спокойно. Леонор и сама это чувствовала. Зайнаб не была грубой, не была враждебной, не выглядела человеком, желающим ей зла. Но она принадлежала дворцу. Принадлежала настолько, что даже её мягкий голос звучал как часть стен.

Самир поклонился Леонор с неожиданной серьёзностью.

— Госпожа, я выполнил приказ. Дальше вы под охраной дворца.

— Значит, вы больше не отвечаете за мои цепи? — спросила Леонор.

Он опустил глаза. Кажется, ему было неприятно.

— Нет. Но я скажу господину Юсуфу, что вы доехали живой.

— Скажите ему, что мягкие цепи по дороге не стали свободой к концу пути.

Самир поднял на неё взгляд. Несколько мгновений он молчал, потом коснулся рукой груди.

— Скажу.

Инес с удивлением посмотрела ему вслед, когда он вернулся к своим людям. Воины красного сокола начали разворачивать лошадей, готовясь покинуть двор. Для Леонор это оказалось неожиданно болезненным. Не потому, что она успела привыкнуть к ним как к защитникам. Нет. Но путь с ними был уже известным пленом. Плохим, унижительным, страшным, однако понятным. Теперь её передавали в руки нового мира, где вместо пыльных плащей были чистые покрывала, вместо открытых приказов — улыбки, вместо грубой угрозы — правила.

Зайнаб жестом пригласила их следовать за собой.

Они вошли внутрь Альгамбры.

Леонор не знала, чего ожидала. Наверное, христианское воображение всё же подсовывало ей крепость неверных — богатую, но тяжёлую, с тёмными коридорами, оружием на стенах и затаившейся опасностью. Вместо этого первый двор поразил её светом. Не яркостью, нет; после улицы здесь всё было мягче. Свет отражался от белёных стен, скользил по воде, дробился в узких каналах, ложился на узорчатую плитку и исчезал в тени арок. Где-то рядом журчал фонтан, и этот звук был так спокоен, будто за стенами не было войны, осад, засад, пленников, писем и расчётов. Вода текла, как будто мир всё ещё был создан для красоты.

Леонор остановилась, сама того не желая.

Инес тоже замерла. Даже её лицо, привыкшее встречать всё чужое подозрением, на мгновение смягчилось.

— Идёмте, — сказала Зайнаб.

Она не торопила резко. Просто напомнила, что восхищение пленницы тоже имеет предел.

Они прошли через аркаду, где стены были покрыты такой тонкой резьбой, будто камень перестал быть камнем и превратился в кружево. Леонор видела надписи, которых не могла прочесть, повторяющиеся узоры, звёзды, листья, переплетения линий. Всё было так тщательно продумано, что глаз терялся, не находя пустого места. В христианских замках стены говорили силой: камень, толщина, бойница, башня, крест над воротами. Здесь стены говорили иначе. Они не кричали, а шептали. И от этого казались не менее властными.

Во внутренних дворах женщины в цветных покрывалах оборачивались им вслед. Некоторые смотрели открыто, с любопытством. Другие быстро отводили глаза, как будто пленная христианка могла принести с собой не только новости, но и беду. Одна молодая девушка, почти ребёнок, выглянула из-за колонны, улыбнулась Леонор несмело, но старшая женщина рядом тут же положила ей руку на плечо и увела. Две служанки у стены заговорили быстрее, увидев крест на груди Леонор. Мужчина в тёмной одежде, проходивший через двор с табличками и свитками, остановился на миг, оценил её взглядом и пошёл дальше. Здесь никто не кричал, не угрожал, не хватал её за поводья. И всё же Леонор чувствовала себя выставленной напоказ сильнее, чем на пыльном дворе крепости.

Она была новостью, слухом, поводом для догадок. А в таком месте слух мог быть опаснее ножа.

— Они все знают? — спросила Леонор у Зайнаб.

— Что именно?

— Кто я.

— Те, кому нужно знать, знают. Остальные узнают к вечеру.

— Вы говорите это так спокойно.

— Во дворце невозможно запретить людям говорить. Можно только решать, какие слова им удобнее повторять.

— И какие слова удобнее повторять обо мне?

Зайнаб повернула голову. На её губах появилась лёгкая улыбка, слишком тонкая, чтобы быть доброй.

— Пока — “гостя”.

Леонор почувствовала, как внутри поднимается горький смех.

— Гостя с охраной?

— У важных гостей всегда есть охрана.

— И запертые двери?

— У важных гостей часто бывает много причин не выходить без сопровождения.

— Вы искусны в мягких словах, госпожа Зайнаб.

— Я давно живу там, где грубые слова редко переживают говорящего.

Инес тихо пробормотала:

— Пресвятая Дева, да тут все разговаривают загадками.

Зайнаб услышала и неожиданно улыбнулась уже почти по-настоящему.

— Нет, донья Инес. Просто во дворце прямые слова ходят только в сопровождении сильных людей. У остальных они быстро погибают.

Это был первый раз, когда Зайнаб назвала Инес по имени. Леонор отметила это. Значит, письмо Юсуфа содержало не только сведения о ней. Он позаботился указать, кто едет рядом. Или двор уже успел всё узнать. В любом случае, здесь ничто не оставалось без названия.

Их провели в покои, расположенные в боковой части дворца, не в самом сердце женских помещений, но и не там, где могли свободно проходить мужчины. Комната оказалась гораздо больше, чем башенная клетка в крепости. Белые стены, покрытые узорами у верхнего края, низкие подушки, деревянный сундук, резной столик, ниша с кувшином, решётчатое окно, через которое виднелся кусок сада и тонкая струя воды в мраморном желобке. Пол был устлан коврами. В воздухе пахло чистотой, травами и чем-то сладким, возможно, розовой водой. На кровати лежала свежая ткань, рядом — сложенная одежда: не мавританская, как с тревогой подумала Леонор, а простое, но хорошее платье, сшитое по более привычному христианскому покрою, только без родовых цветов.

Забота была слишком точной, чтобы быть случайной.

— Это моя комната? — спросила Леонор.

— Пока да, — сказала Зайнаб.

Леонор подошла к окну. Решётка была деревянной, резной, красивой. Снаружи виднелся сад: апельсиновые деревья, узкая дорожка, белая стена, тень кипариса, вода. Если смотреть только туда, можно было поверить, что она попала в место отдыха, а не в плен. Но когда она коснулась решётки, дерево не подалось. Красота не делала её менее прочной.

— Можно открыть?

— Нет.

Ответ прозвучал без паузы.

Леонор обернулась.

— Почему?

— Потому что вы устали с дороги и не знаете дворца.

— Я знаю, как открываются окна.

— Но не знаете, кто может смотреть снизу.

Инес подошла ближе и тоже проверила решётку. Потом посмотрела на дверь. У дверей снаружи уже встали две женщины-стражницы. Не воины с мечами, но крепкие женщины с прямыми спинами и глазами, в которых не было ни сонливости, ни робости.

— Дверь тоже нельзя открыть? — спросила Леонор.

— Дверь откроют по вашему стуку, если вам что-то понадобится, — ответила Зайнаб.

— А если мне понадобится выйти?

— Вы выйдете с сопровождением.

— Значит, я не гостя.

Зайнаб молчала.

— Скажите это, — потребовала Леонор. — Хотя кто-нибудь в этом дворце способен назвать вещь своим именем?

Инес тихо позвала:

— Леонор.

Но Леонор уже не могла остановиться. Всё накопившееся за дорогу — страх, усталость, городская красота, взгляды женщин, красные стены, мягкость Зайнаб, журчание воды за окном — сжалось в одно требование. Пусть кто-нибудь скажет правду. Пусть хотя бы эта женщина с ключом у пояса признает, что никакая розовая вода не меняет сути.

Зайнаб подошла ближе. Не слишком близко, чтобы не нависать, но достаточно, чтобы их разговор перестал принадлежать комнате.

— Вы заложница, — сказала она тихо. — Ценная, опасная, защищённая и несвободная. Вас будут называть гостьей, потому что это слово удобнее для тех, кто будет принимать послов. Вас будут кормить, потому что голодная заложница теряет цену. Вас будут одевать достойно, потому что ваш внешний вид станет частью письма, которое однажды увидят ваши люди. Вас не станут унижать, потому что унижение женщины вашего рода может стоить крови. Но всё это не свобода. Если вам нужна правда, вот она.

Леонор ожидала чего угодно, но не такой прямоты. Она почувствовала, как гнев, готовый сорваться с языка, вдруг лишился опоры. Зайнаб сказала именно то, что Леонор требовала услышать. И теперь от этой правды не стало легче.

— Благодарю, — произнесла она после паузы, сама удивившись своему голосу.

— Не стоит. Правда во дворце редко бывает подарком. Чаше это предупреждение.

— От кого вы меня предупреждаете?

— Пока от вас самой.

Инес нахмурилась.

— Осторожнее, госпожа.

Зайнаб повернулась к ней.

— Я говорю без злобы. Сеньорита Леонор устала, оскорблена и напугана. Это естественно. Но если она будет бросаться правдой в каждого, кто произнесёт слово “гостя”, она быстро устанет сильнее. Во дворце важно выбирать, где упрямство честь, а где просто открытая дверь для врага.

— Моего врага? — спросила Леонор.

— Ваших врагов. Их здесь может оказаться больше одного.

Эта фраза повисла в воздухе. Леонор снова посмотрела на дверь. Женщины-стражницы стояли за ней тихо, но их присутствие чувствовалось, как чувствуется каменная стена за тканью.

Зайнаб дала знак, и в комнату вошли две служанки. Одна несла таз с тёплой водой, другая — полотенца и небольшой флакон. За ними вошла совсем молодая девушка с опущенными глазами и тонкими руками, державшая поднос с едой: лепёшки, сыр, оливки, фрукты, маленькая миска с чем-то сладким и кувшин. Девушка поставила поднос так осторожно, будто боялась звуком глины разгневать пленницу.

— Это Марьям, — сказала Зайнаб. — Она будет прислуживать вам.

Девушка подняла глаза на мгновение. У неё было милое круглое лицо и взгляд человека, которого заранее предупредили, что новая госпожа может кричать, плакать, кусаться или молиться на коленях всю ночь. В этом взгляде было столько тревожного ожидания, что Леонор стало стыдно за собственный гнев.

— Ты говоришь по-кастильски? — спросила она.

— Немного, госпожа, — ответила Марьям почти шёпотом.

— Я не твоя госпожа.

Девушка испугалась.

Зайнаб вмешалась мягко:

— Для служанки проще иметь госпожу, чем заложницу. Не отнимайте у неё удобное слово в первый же день.

Леонор устало закрыла глаза. Каждое слово здесь имело две стороны. Даже милость к служанке могла требовать принятия лжи.

— Хорошо, — сказала она. — Пусть будет так.

Марьям заметно выдохнула. Инес внимательно посмотрела на девушку и, кажется, решила, что та не представляет непосредственной угрозы. Это уже было почти одобрением.

Служанки помогли Леонор умыться. Сначала она хотела отказаться, но руки после дороги были в пыли, под ногтями чернела грязь, волосы сбились, шея болела от воротника. Тёплая вода коснулась кожи, и всё тело вдруг вспомнило, что оно не только предмет политического торга, но и измученная человеческая плоть. Леонор сидела неподвижно, пока Инес распутывала ей волосы, а Марьям подавала полотенца и старалась не смотреть на крест, который теперь лежал открыто на груди.

— Он смущает тебя? — спросила Леонор.

Марьям вздрогнула.

— Что, госпожа?

— Мой крест.

— Нет, госпожа. Я видела кресты.

— Где?

— В городе. У купцов. У пленных. У женщин, которые пришли с севера и остались.

Инес резко подняла голову.

— Остались?

Марьям испуганно посмотрела на Зайнаб, но та не запретила отвечать.

— Иногда люди остаются, мать.

— По своей воле? — спросила Леонор.

Марьям опустила глаза.

— Иногда воля приходит после того, как путь назад закрыт.

Зайнаб тихо сказала что-то на арабском, и девушка сразу замолчала. Леонор запомнила эту фразу. Воля приходит после того, как путь назад закрыт. От неё становилось неуютно. Слишком легко было представить, сколько женщин во дворцах и домах Гранады могли сказать то же самое о браке, плене, долге или бедности.

Когда Леонор переделалась, ей стало легче физически, но не душой. Новое платье было чистым, мягким, хорошо сидело в плечах, будто его подбирали заранее или во дворце имелись сундуки на все возможные случаи чужих судеб. Оно не было роскошным, но выглядело достойно. Цвет — тёплый светлый, почти слоновая кость, с тонкой тёмной отделкой у рукавов. В нём она снова могла смотреть на себя без ощущения дорожного позора. И именно это раздражало. Дворец возвращал ей достоинство так же расчётливо, как крепость возвращала воду: чтобы вещь не потеряла цены.

Инес, словно прочитав её мысли, сказала, поправляя складку у плеча:

— Не сердись на платье. Ткань не виновата, что её дали враги.

— Мне неприятно принимать от них заботу.

— Это не забота. Это условия содержания. Пользуйся ими, как пользуешься стеной, если она защищает от ветра.

Зайнаб услышала и чуть наклонила голову.

— Ваша дуэнья мудра.

— Она моя дуэнья, — сказала Леонор. — Не дворцовый советник.

— Во дворце это иногда одно и то же.

После умывания Леонор позволили поест. Еду пробовала сначала Марьям, по настоянию Инес, хотя Зайнаб заметила, что если бы дворец хотел отравить заложницу в первый день, он выбрал бы способ менее глупый. Инес ответила, что глупые способы убивают не хуже умных, и продолжила следить за каждой миской. Леонор почти не чувствовала вкуса, но заставила себя съесть лепёшку, немного сыра и несколько долек апельсина. Сладость фрукта внезапно ударила по памяти: в детстве мать давала ей апельсины на Рождество, объясняя, что южное солнце тоже может быть подарком Господа. Леонор тогда смеялась, потому что солнце казалось слишком далёким, чтобы помещаться в кожуру. Теперь южное солнце окружало её со всех сторон, и подарком это не было.

После еды Зайнаб велела Марьям остаться с ними, а сама собиралась уйти. Леонор остановила её у двери.

— Что будет дальше?

— Вы отдохнёте.

— Я не об этом.

Зайнаб обернулась.

— Дальше ваше прибытие будет внесено в записи. Письмо господина Юсуфа передадут тем, кто имеет право его читать. До вечера несколько людей захотят узнать о вас больше. Не все получат разрешение.

— Кто имеет право решать?

— Те, кто всегда решает.

— Эмир?

— Иногда эмир. Иногда его родня. Иногда совет. Иногда те, кто приносит совету такие сведения, без которых решение оказывается уже подготовленным.

— А Юсуф ибн Саид?

— Когда он здесь — с ним считаются.

— А когда его нет?

— С его отсутствием тоже считаются.

Леонор вдруг поняла, что имя Юсуфа в Альгамбре звучит иначе, чем на дороге или в крепости. Там оно было приказом. Здесь — силой среди других сил. Не единственной. Не абсолютной. Красный сокол Гранады мог защитить её от Хамида, мог приказать Самиру, мог открыть ей путь к дворцу. Но в самом дворце, среди этих арок, ключей, женщин с внимательными глазами и мужчин со свитками, даже его власть становилась частью более сложной игры.

Это было нехорошее открытие. Если Юсуф был тюремщиком, то хотя бы понятным. Но если над тюремщиком тоже были правила, долги, соперники и советы, значит, её клетка могла менять хозяев без её согласия.

— Когда он прибудет? — спросила она.

Зайнаб на мгновение задержала взгляд на её лице.

— Вам важно?

— Мне важно знать, кто решает мою судьбу.

— Тогда вам придётся знать слишком многих.

Ответ был уклончивым, но не пустым. Леонор почувствовала, как усталость снова поднимается к горлу. Слишком многие. Она и раньше принадлежала слишком многим: отцу, роду, жениху, короне, чести. Теперь к ним прибавились Юсуф, совет, дворец, город, война.

— Вы можете писать? — спросила Зайнаб неожиданно.

— Да.

— Читать по-кастильски?

— Разумеется.

— Латынь?

— Достаточно для молитв и писем, которые позволяли читать женщине.

Зайнаб отметила и это.

— А арабский?

— Нет.

— Здесь полезно знать язык стен.

— Стены говорят по-арабски?

— Стены говорят на языке тех, кто их построил. Но ещё они говорят тем, кто умеет молчать и смотреть.

С этими словами Зайнаб вышла.

Дверь закрылась. Снаружи послышался лёгкий звук задвижки.

Леонор замерла.

Это был не грубый лязг тюремного засова. Не железный удар, от которого сердце падает вниз. Звук был почти деликатный, деревянный, короткий. Именно поэтому он показался страшнее. Её заперли так тихо, что красота комнаты даже не дрогнула. Вода продолжала журчать за окном. На ковре лежала полоса света. Марьям переставляла чаши с подноса, стараясь не шуметь. Всё оставалось изящным, чистым, правильным.

Но дверь была закрыта.

Леонор подошла к ней и положила ладонь на дерево. Тёплое. Гладкое. Снаружи кто-то стоял. Она слышала едва заметный шорох одежды.

— Откройте, — сказала она.

За дверью женский голос ответил по-арабски. Леонор не поняла.

Марьям испуганно подскочила.

— Госпожа, если вам нужно что-то, я скажу.

— Мне нужно открыть дверь.

— Нельзя.

— Кто запрещает? Юсуф?

— Дворец.

Это слово оказалось хуже имени. У имени есть лицо. У дворца — только стены.

Инес встала рядом с Леонор.

— Не трать силы на дерево.

— Они называют меня гостьей.

— Да. А гостей иногда запирают, чтобы они не заблудились в чужом доме.

— Ты смеёшься надо мной?

— Нет, дитя. Я пытаюсь не дать тебе разбить руку о дверь.

Леонор опустила ладонь. В ней действительно уже начала пульсировать боль — она сама не заметила, как сжала пальцы.

— Я не вынесу этого, — прошептала она.

Инес посмотрела на Марьям. Та быстро опустила глаза и отошла к окну, делая вид, что занята кувшином. Тогда дуэнья взяла Леонор за обе руки.

— Вынесешь.

— Я не хочу.

— Это разные вещи.

— Они уже начали говорить обо мне. В городе, во дворце. Смотрят, считают, решают.

— Тогда заставь их ошибаться в расчётах.

Леонор с горечью усмехнулась.

— Ты говоришь как Юсуф.

— Не оскорбляй старую женщину.

— Прости.

— Я говорю как человек, который хочет, чтобы ты выжила. А для этого мало быть правой. Нужно ещё быть внимательной.

Леонор медленно отошла от двери. Комната вдруг показалась ей не просто помещением, а частью чужого замысла. Кувшин стоял там, где до него удобно дотянуться. Платье было достаточно христианским, чтобы она не чувствовала себя переодетой в чужую веру, но достаточно лишённым родовых знаков, чтобы напомнить: прежнего дома здесь нет. Служанка была молода и пуглива, чтобы вызывать жалость, но всё равно оставалась глазами дворца. Окно показывало сад, но не выпускало в него. Стража состояла из женщин, чтобы нельзя было кричать о поруганной чести, но стража от этого не переставала быть стражей.

Всё было продумано. Не жестоко. Хуже — разумно.

Она села на низкую подушку у окна. Снаружи виднелась ветка апельсинового дерева. На ней висел один плод, яркий, почти светящийся в зелени. Леонор смотрела на него долго, пока не поняла, что плакать больше не может. Слезы, которые ночью ещё находили дорогу, теперь словно высохли. Вместо них внутри оставалась сухая, твёрдая обида.

Через некоторое время за дверью снова послышались шаги. Марьям поднялась. Дверь открыли, и в комнату вошли две женщины. Одна была старше, в тёмном покрывале, с тяжёлым серебряным браслетом на запястье. Вторая — молодая, в одежде нежно-зелёного цвета, красивая той опасной дворцовой красотой, которая не нуждается в открытом лице, чтобы знать собственную силу. Леонор сразу почувствовала, что это не служанки. Они вошли с разрешением, но не с покорностью.

— Сеньорита Леонор, — сказала старшая на кастильском, заметно хуже, чем Зайнаб, но достаточно уверенно. — Мы пришли приветствовать вас от имени женщин дома.

“Дома”. Не дворца, не эмира, не семьи. Опять слово, которое одновременно скрывало и открывало слишком многое.

Леонор поднялась.

— Вы очень любезны.

Инес встала рядом. Марьям почти слилась со стеной.

Старшая женщина представилась как Умм Сальма, родственница одного из советников. Молодую звали Лейла. Леонор запомнила их имена, лица, жесты. Она уже начала выполнять совет Инес: запоминать всё. Умм Сальма смотрела на неё с оценивающей снисходительностью, как на редкую птицу, случайно попавшую в чужой сад. Лейла же улыбалась открыто, почти дружелюбно, но в её глазах было слишком много любопытства. Такое любопытство не согревает. Оно раздевает.

— Вы устали после дороги? — спросила Лейла.

— Да, — ответила Леонор.

— Говорят, вас привёз отряд Юсуфа ибн Саида.

— Меня привёз приказ Юсуфа ибн Саида.

Лейла улыбнулась чуть шире.

— У вас острый язык.

— Дорога была длинной. Он стал острее от пыли.

Умм Сальма неодобрительно посмотрела на молодую женщину, но Лейла, кажется, только развеселилась.

— Вам дали хорошую комнату?

Леонор перевела взгляд на решётчатое окно.

— Красивую.

— У нас любят красоту.

— Я уже заметила.

— Красота утешает.

— Не всегда.

Лейла наклонила голову.

— Вы не похожи на испуганную пленницу.

— А как должна выглядеть испуганная пленница, чтобы не разочаровать дворец?

Умм Сальма нахмурилась сильнее.

— Дитя, здесь вам желают добра. Не стоит встречать каждое слово копьём.

Леонор посмотрела на неё. “Дитя” прозвучало почти ласково, но за этой лаской стояла привычка старших женщин говорить младшим, где проходит граница дозволенного.

— Прошу простить меня, — сказала Леонор. — Я ещё не научилась отличать добро от удобного надзора.

На этот раз в комнате стало тихо. Умм Сальма отвела взгляд первой. Лейла же вдруг перестала улыбаться так широко.

— Вы научитесь, — сказала она мягко. — Здесь все учатся.

— Чему?

— Жить с тем, что не выбирали.

Эти слова сказаны были без злобы. И в них на мгновение мелькнуло что-то настоящее. Леонор увидела не дворцовую красавицу, пришедшую посмотреть на христианскую заложницу, а женщину, которая, возможно, тоже когда-то вошла в комнату, выбранную не ею, и услышала снаружи мягкий звук задвижки.

Но миг прошёл. Умм Сальма заговорила о приличиях, о том, что Леонор будет получать всё необходимое, что ей не следует тревожиться, что её честь находится под защитой, что дворец умеет хранить важные вещи. Важные вещи. Леонор отметила это выражение, но не стала возражать. Она слишком быстро начинала понимать: во дворце каждое возражение тратит силы, а не каждое приносит пользу.

Когда женщины ушли, Марьям заметно расслабилась. Инес проводила их взглядом до закрытия двери.

— Первая улыбалась слишком много, — сказала она.

— Лейла?

— Да. Кто улыбается слишком много, либо глуп, либо прячет зубы. Глупой она не выглядит.

Леонор села.

— Они все приходят посмотреть, какая я?

— Конечно.

— Почему?

Инес посмотрела на неё с жалостью, которую редко позволяла себе показывать.

— Потому что ты теперь история, дитя. А люди любят подойти к истории поближе, пока она не начала гореть.

К вечеру Леонор успела увидеть ещё нескольких женщин и одного старого лекаря, которого впустили в присутствии Зайнаб и Инес, чтобы проверить, не оставила ли дорога скрытых травм. Лекарь говорил мало, руки у него были сухие и аккуратные. Он осмотрел её запястья, шею, ссадину на ладони, спросил, кружится ли голова, велел пить воду и не спорить хотя бы одну ночь. Последнее замечание явно понравилось Инес, но Леонор сделала вид, что не заметила.

Ей также принесли небольшой ларец. Внутри лежали гребень, чистые ленты, игла, нитки, кусок тонкого полотна и несколько книг, из которых она могла прочесть только одну: сборник молитв на латыни и кастильском. Остальные были на арабском. На первой странице одной из них тянулись строки такой красоты, что Леонор невольно провела пальцем над письмом, не касаясь чернил. Она не понимала ни слова, но чувствовала порядок, ритм, достоинство чужого языка. Потом резко закрыла книгу, будто поймала себя на опасном любопытстве.

Марьям заметила это.

— Это стихи, госпожа.

— О чём?

— Я не умею читать хорошо. Но Зайнаб-хатун сказала, что если вы спросите, вам могут читать вслух.

— Чтобы развлекать пленницу?

— Чтобы гостя не скучала.

Леонор посмотрела на неё. Марьям сразу покраснела, поняв, что повторила дворцовое слово слишком неосторожно.

— Прости, госпожа.

— Не проси прощения за слова, которые тебе велели употреблять.

— Мне не велели.

— Тогда за слова, которым тебя научили.

Марьям молчала. Потом вдруг сказала очень тихо:

— Здесь все говорят так, как научились выживать.

Леонор хотела ответить, но не смогла. В этой девочке, пугливой, послушной, приставленной к ней дворцом, тоже жила своя клетка. Возможно, менее заметная. Возможно, привычная настолько, что уже не звенела.

После заката комнату осветили лампами. За окном сад стал тёмным, вода — серебряной, а деревянная решётка превратилась в узор из теней. Снаружи донёсся призыв к молитве. Голос поднялся над дворцом, над садами, над городом — протяжный, ясный, чужой. Леонор вздрогнула. В её доме вечер измерялся колокольным звоном. Здесь время принадлежало другому голосу.

Отец Мартин сказал бы, что нельзя слушать. Но не слушать было невозможно. Голос шёл не к ней, но проходил через неё, как ветер через щель. Он не заставил её усомниться в своей вере. Напротив, Леонор сильнее сжала крест и тихо произнесла молитву Богородице. Но вместе с молитвой пришло странное чувство: люди за стенами тоже обращались к Богу, пусть и не так, как она. Они тоже боялись, надеялись, просили, благодарили. В детстве ей было проще думать о неверных как о заблудших тенях. Теперь тени имели голоса, дома, детей, сады и раненых воинов.

Инес опустилась рядом с ней на колени.

— Молись своим словам, — сказала она. — Чужие пусть идут мимо.

— Они не идут мимо, — прошептала Леонор.

Инес посмотрела на неё строго.

— Тогда держись крепче за свои.

Они молились вместе. Марьям в это время стояла у окна, отвернувшись, и Леонор не знала, из уважения ли она не смотрит или потому, что чужая молитва смущает её так же, как Леонор смущал чужой призыв над городом.

Позже, когда Марьям убрала остатки ужина, а Инес задремала сидя, уставшая сильнее, чем признавала, дверь открылась снова. На этот раз вошла Зайнаб. Она была одна, если не считать женщин-стражниц за порогом. В руках она держала небольшой светильник. Его огонь делал её лицо спокойным и почти неподвижным.

— Вы устроились? — спросила она.

Леонор посмотрела на дверь.

— Дверь всё ещё закрыта.

— Я спросила не это.

— А я ответила о главном.

Зайнаб вошла глубже в комнату и поставила светильник на столик.

— Господин Юсуф прислал весть. Он прибудет не раньше завтрашнего вечера.

Леонор не хотела показывать, что эта новость имеет значение, поэтому спросила слишком быстро:

— И что это меняет?

— Для вас — пока ничего. Для тех, кто хочет говорить о вас без него, — возможно, многое.

— Значит, уже хотят?

— Разумеется.

Леонор почувствовала холод под сердцем.

— Кто?

— Люди, которым интересно, почему Красный сокол прислал христианскую дворянку в Альгамбру под своей печатью и почему запретил касаться её имени без его ведома.

— Моего имени?

— Во дворце имя иногда более уязвимо, чем тело.

Инес, которая, как оказалось, не спала, открыла глаза.

— Прекрасное место вы тут построили.

Зайнаб повернула голову.

— Я его не строила, донья Инес. Я только научилась ходить по нему, не задевая самые острые углы.

— И зачем вы пришли ночью? — спросила дуэнья.

— Предупредить.

Леонор встала. Лампа у стены отбрасывала на решётку окна тень, похожую на сеть.

— О чём?

Зайнаб некоторое время смотрела на неё молча. Теперь в её лице не было ни дворцовой мягкости, ни сухой любезности. Только усталое знание человека, слишком долго живущего среди закрытых дверей.

— Завтра к вам могут прийти с вопросами. Женщины, возможно, даже дети, если кто-то решит выглядеть невинным. Вам будут сочувствовать. Вас будут жалеть. Вам скажут, что здесь вы в безопасности. Кто-то принесёт сладости. Кто-то попросит рассказать о дороге. Кто-то заметит, что господин Юсуф суров, но справедлив. Кто-то скажет, что ваш жених, наверное, уже собирает золото. Кто-то спросит, умеете ли вы писать. Кто-то будто невзначай поинтересуется, что говорил дон Родриго на перевале и какие имена вы слышали среди своих.

Леонор медленно сжала пальцы.

— Значит, меня будут допрашивать женщины?

— Нет. Вас будут навещать.

Инес тихо выругалась себе под нос так, что Леонор сделала вид, будто не расслышала.

— Почему вы говорите мне это? — спросила Леонор.

— Потому что испуганная девушка может сказать слишком много, если первое ласковое лицо покажется ей спасением.

— Вы заботитесь обо мне?

— Нет.

Ответ был быстрым и честным.

— Тогда почему?

Зайнаб подошла к окну. Не к двери, не к Леонор, а именно к окну, словно ей тоже нужно было убедиться, что решётка на месте.

— Потому что если вас сломают слишком быстро, вас используют плохо. А плохо использованная заложница приносит беспорядок. Господин Юсуф не любит беспорядка. И я тоже.

— Опять выгода, — сказала Леонор с горечью.

— Во дворце выгода — самый честный язык. Когда человек говорит на нём открыто, его хотя бы можно понять.

— А когда улыбается?

Зайнаб обернулась. На этот раз она не улыбалась совсем.

— Вот тогда и будьте осторожны.

Леонор почувствовала, как усталость дня отступает, уступая место новому страху. В крепости опасность имела лицо Хамида, распухшую губу, грубые руки и слова, от которых хотелось отмыться. В Альгамбре опасность могла войти с подносом сладостей, с мягким голосом, с сочувственным взглядом, с вопросом, заданным будто из женского участия. Здесь её не собирались унижать. Здесь её собирались понимать, изучать, оборачивать каждую её слабость в пользу чужой партии.

— Что мне делать? — спросила она тише, чем хотела.

Зайнаб посмотрела на неё внимательно.

— Слушать больше, чем говорить. Не верить жалости, которая приходит слишком быстро. Не спорить там, где спор ничего не меняет. Не рассказывать о своих родных больше, чем они сами уже рассказали бы врагам. Не называть Юсуфа ибн Саида спасителем и не называть его чудовищем. Во дворце оба слова могут быть использованы против вас.

— А кем называть?

— Тем, кем он для вас является сейчас.

Леонор усмехнулась.

— Тюремщиком?

— Если скажете это вслух, половина дворца решит, что вы глупы, а другая половина — что вы опасны.

— А вы?

— Я решу, что вы пока ещё не научились беречь дыхание.

Инес поднялась, опираясь на край сундука.

— Вы говорите с ней как наставница. Но сами сказали, что не заботитесь.

— Наставление не всегда рождается из любви, донья Инес. Иногда из опыта.

— Опыт тоже может быть добрым.

— Может. Но здесь доброта редко ходит одна.

Зайнаб направилась к двери. Леонор смотрела ей вслед, чувствуя странное смешение раздражения и благодарности. Эта женщина не была другом. Она прямо сказала это. И всё же за один вечер дала Леонор больше полезной правды, чем многие родные за годы воспитания.

У порога Зайнаб остановилась.

— Сеньорита Леонор.

— Да?

— Ваша комната красива. Ваше платье чисто. У вас есть вода, еда, служанка, дуэнья и слово Юсуфа ибн Саида, что вас не тронут. Всё это хорошо. Но не позволяйте красоте убедить вас, что вы уже в безопасности.

Леонор молчала.

Зайнаб открыла дверь. За ней стояли две женщины-стражницы. Одна из них чуть склонила голову, почти дружелюбно. В коридоре горели лампы. Откуда-то доносился тихий женский смех. Он был лёгким, обычным, почти домашним, и оттого особенно тревожным.

— В Альгамбре, — сказала Зайнаб напоследок, — опаснее всего не те, кто смотрит на вас с ненавистью.

— А кто? — спросила Леонор, хотя уже знала ответ.

Зайнаб впервые за весь вечер улыбнулась. Мягко. Почти ласково. И именно эта улыбка заставила Леонор вспомнить её предупреждение сильнее любого приказа.

— Те, кто улыбается.

Дверь закрылась за ней так же тихо, как прежде. Задвижка легла на место почти нежно.

Леонор осталась стоять посреди красивой комнаты, в чистом платье, под охраной, с водой у окна и садом за резной решёткой. За стенами дышала Гранада. Внизу журчала вода. Далеко во дворце кто-то смеялся.

И впервые с момента плена она поняла, что грубая крепость на границе, возможно, была только порогом.

Настоящая клетка начиналась здесь.

Глава 4. Женщины за узорами

Утро в Альгамбре не ворвалось в комнату Леонор, как врывалось оно в христианских замках, где сквозь щели ставен пробивался грубый свет, во дворе начинали кричать слуги, лошади били копытами, а колокол из часовни резко напоминал всем, что день принадлежит не сну, а обязанностям. Здесь утро вошло почти бесшумно. Сначала в решётчатом окне посерели узоры, потом на белой стене появилась мягкая полоска золота, потом вода в садовом желобке зазвучала яснее, будто сама ночь приглушала её, а теперь отпустила. Где-то вдали, за стенами, город уже проснулся: тянулись голоса, хлопали двери, пели птицы, скрипели колёса. Но в комнате пленницы всё ещё стояла осторожная тишина.

Леонор открыла глаза не сразу. Ей снилась дорога, но не та, по которой её везли к жениху, и не та, по которой привезли сюда. Во сне она шла по длинному коридору, стены которого были покрыты тонкой резьбой. В каждом узоре пряталась дверь, и за каждой дверью кто-то называл её по-разному: дочь, невеста, заложница, гостья, христианка, добыча, сеньорита, письмо, цена. Она пыталась найти среди этих слов собственное имя, но чем быстрее шла, тем сильнее узоры сплетались между собой, пока не превратились в решётку.

Когда Леонор проснулась, первым делом посмотрела на дверь. Та была закрыта.

Это стало новым порядком её жизни: прежде чем вспомнить, где она, нужно было убедиться, что выхода нет. В комнате пахло остывшими лампами, чистой тканью и водой. Донья Инес спала на низкой постели у стены, которую ей всё-таки принесли ночью, хотя она сопротивлялась, ворчала и утверждала, что старой женщине достаточно ковра. Теперь она лежала на боку, положив руку под щеку, и во сне выглядела намного старше, чем днём. Упрямство покидало лицо, и оставалась усталость. Леонор с неожиданной нежностью смотрела на неё несколько мгновений, боясь пошевелиться и разбудить.

Потом за дверью послышался тихий стук.

Леонор села. Инес тут же открыла глаза, словно не спала вовсе.

— Кто? — спросила дуэнья хрипловатым утреним голосом.

Снаружи ответила Марьям:

— Это я, мать. Можно войти?

Инес поднялась, поправляя покрывало на плечах.

— Если дверь всё равно открывают не по нашему желанию, спрашивать поздно.

Дверь отворилась. Марьям вошла с подносом, за ней — одна из женщин-стражниц, которая тут же осталась у порога, не переступая дальше. Это соблюдение границы в который раз показалось Леонор почти издевательским. Всё здесь было устроено так, чтобы плен выглядел прилично. Никто не врывался, не хватал, не командовал грубо. Ей стучали, кланялись, приносили воду, спрашивали, как она спала. Но за спиной у каждой любезности стояла задвижка.

— Доброе утро, госпожа, — сказала Марьям и поставила поднос на низкий столик. — Зайнаб-хатун велела спросить, достаточно ли вам было тепло ночью.

— Да, — ответила Леонор. — Передай ей благодарность за одеяла.

Инес бросила на неё быстрый взгляд. Леонор поняла этот взгляд без слов: благодарить можно ткань, но не клетку. Однако вежливость иногда была не покорностью, а способом сохранить лицо.

Марьям заметно обрадовалась, будто сама отвечала за все одеяла в Альгамбре. Она принесла тёплую воду, свежий хлеб, козий сыр, мёд, тонкие лепёшки и фрукты. Инес, по обыкновению, всё осмотрела с подозрением, но сегодня не потребовала, чтобы служанка пробовала каждое блюдо первой. Видимо, решила, что если их не отравили в первый день, то во второй дворец пока тоже предпочтёт сохранить заложницу живой. Эта мысль была настолько неприятной, что Леонор заставила себя не смотреть на поднос как на часть расчёта.

— Сегодня к вам придут женщины, — сказала Марьям, раскладывая полотенца. Леонор замерла.

— Какие женщины?

Марьям опустила глаза.

— Из дома. Из дворца. Зайнаб-хатун сказала, чтобы я помогла вам одеться.

— Я могу одеться сама.

— Конечно, госпожа. Но платье... — Марьям смутилась и показала на сложенную ткань у сундука. — Там застёжки сзади. И покрывало нужно закрепить иначе, если вы будете принимать посетительниц.

— Принимать? — переспросила Леонор. — Теперь я хозяйка?

— Нет, госпожа.

Марьям испугалась, и Леонор тут же пожалела о резкости. Девушка не выбирала слов. Её, как и всех здесь, обучили говорить так, чтобы острые углы скрывались под тканью.

— Прости, — сказала Леонор мягче. — Я понимаю.

Марьям удивлённо подняла глаза. Похоже, пленницы редко извинялись перед служанками или, наоборот, служанки не ожидали извинений от благородных христианок. Инес посмотрела на Леонор одобрительно, но вслух ничего не сказала. Она вообще с утра была особенно молчалива. Возможно, переваривала слова Зайнаб. Возможно, вспоминала собственную молодость, где тоже были женщины, комнаты, браки и чужие решения, только без арабских узоров на стенах.

Платье, которое принесли Леонор, оказалось ещё более продуманным, чем вчерашнее. Не роскошное настолько, чтобы выглядеть подарком, но достаточно красивое, чтобы она не могла предстать перед дворцом униженной. Цвет был светлый, с оттенком тёплого песка, рукава — узкие у запястий, поверх — лёгкий плащ из тонкой ткани, который можно было запахнуть на груди, не скрывая креста. Вышивка по краю напоминала кастильские узоры, но в ней угадывалась чужая рука: линии не заканчивались там, где ожидал глаз, а продолжали виться, возвращаясь к началу. Леонор поймала себя на том, что рассматривает эту вышивку слишком долго, и рассердилась. Даже нитки здесь умели втягивать в чужой порядок.

— Они хотят, чтобы я выглядела довольной? — спросила она.

Инес закрепляла ей волосы под вуалью.

— Нет. Они хотят, чтобы ты выглядела ценной. Разница небольшая, но есть.

— Ты говоришь, как человек, который уже понял этот дворец.

— Я поняла не дворец, дитя. Я поняла людей, которые любят расставлять других людей по местам.

Марьям слушала, делая вид, что занята поясом. Леонор заметила это в зеркале из полированного металла. В комнате теперь всё время был кто-то, кто мог слышать. И даже если Марьям не желала ей зла, каждое слово могло выйти за дверь вместе с подносом.

— Марьям, — сказала Леонор.

Девушка вздрогнула.

— Да, госпожа?

— То, что я говорю здесь, ты передаёшь Зайнаб?

Марьям побледнела так резко, что Леонор поняла ответ раньше слов.

— Я... если меня спрашивают, госпожа.

— А если не спрашивают?

— Тогда нет.

Инес усмехнулась.

— Хороший ответ. Честный и бесполезный.

Марьям опустила голову.

— Я не хочу вредить вам.

— Я знаю, — сказала Леонор. — Но ты принадлежишь этому дому.

— Да, госпожа.

— Значит, если дом спросит, ты ответишь.

Марьям не стала лгать. Только кивнула.

Эта маленькая честность оказалась почти подарком. Леонор подошла к ней ближе и сама взяла с подноса булавку, которую девушка собиралась закрепить у края вуали.

— Тогда слушай внимательно только то, что я говорю вслух. А то, о чём я молчу, пусть остаётся при мне.

Марьям подняла глаза. В них мелькнуло понимание, смешанное со страхом.

— Да, госпожа.

Когда Леонор была готова, Зайнаб пришла сама. Сегодня на ней было тёмно-зелёное покрывало, простое по крою, но ткань падала так мягко и тяжело, что сразу становилось ясно: простота эта стоила больше многих украшений. У пояса снова висел ключ. Леонор уже начала думать, что Зайнаб носит его не из необходимости, а как напоминание окружающим: она не просто ходит по дворцу, она открывает и закрывает.

— Вы хорошо выглядите, — сказала Зайнаб, окинув её взглядом.

— Это тоже часть удобного рассказа? — спросила Леонор.

— Конечно. Уставшая и измученная заложница вызывает жалость. Достойная и спокойная — осторожность. Для вас сегодня полезнее второе.

— Сегодня?

— Каждый день во дворце имеет свою пользу.

Инес сухо произнесла:

— А бывают здесь дни без пользы? Просто дни?

Зайнаб посмотрела на неё почти с сожалением.

— Для детей, возможно. И для тех, кто уже достаточно стар, чтобы его перестали считать.

— Значит, у меня есть надежда, — сказала Инес.

— Не слишком большая. Вы наблюдательны.

— Проклятие всей моей жизни.

Несмотря на тревогу, Леонор едва не улыбнулась. Зайнаб, кажется, тоже. Но улыбка исчезла быстро.

— Сегодня вам не будут задавать официальных вопросов, — сказала она. — Только женские.

— Чем они отличаются?

— Официальные вопросы записывают. Женские запоминают.

Это было сказано так ровно, что Леонор почувствовала неприятный холод. Зайнаб не запугивала. Она объясняла правила.

— Кто придёт?

— Сначала Саида-хатун. Она родственница эмира по материнской линии. Затем Рахима, вдова Мусы аль-Катиба, погибшего под Лохой. Потом, возможно, Наджда бинт Фарид. Если решит, что вам можно показывать её любопытство.

— А если я не захочу их видеть?

— Тогда во дворце скажут, что христианская гостья слишком горда, чтобы принять женщин дома. Это даст одним повод обидеться, другим — назвать вас опасной, третьим — убедиться, что господин Юсуф привёз не заложницу, а уголь для пожара.

— Вы всегда заранее показываете все двери и объясняете, почему каждая заперта?

— Нет. Только тем, кто может попытаться пройти сквозь стену.

Леонор посмотрела на неё с невольным раздражением.

— Вы считаете меня безрассудной?

— Я считаю вас воспитанной женщиной, которую впервые поставили в положение, где воспитание не даёт готового ответа. Это опасно.

Эта фраза задела слишком глубоко. Леоно́р отвернулась к окну, но не успела спрятать выражение лица. Да, её учили молиться, держаться прямо, вести дом, читать письма, различать родовые гербы, говорить с настоятелем, с управляющим, с бедной просительницей, с будущим мужем. Её учили молчать там, где спор мог повредить чести. Но никто не учил быть заложницей в Альгамбре. Никто не учил отвечать женщинам врага так, чтобы не отдать им свою жизнь по кускам.

— Я буду осторожна, — сказала она.

— Осторожность — не молчание, — ответила Зайнаб. — Полное молчание иногда громче признания. Говорите о дороге, но не о страхе. О доме, но не о слабых местах рода. О женихе — уважительно, но не тепло и не холодно. О господине Юсуфе — мало. О вере — твёрдо, но без проповеди. О себе — столько, сколько они уже знают или скоро узнают.

— Вы только что дали мне наставление, как лгать.

— Нет. Как не отдавать правду бесплатно.

Инес негромко произнесла:

— Вот это я запомню.

Первой пришла Саида-хатун.

Её появление было похоже не на визит, а на маленькую церемонию. Перед ней вошли две служанки, потом женщина с подносом сладостей, потом сама Саида, а за ней ещё одна девушка, державшая шкатулку. Саида была не стара, но держалась так, будто её возраст уже не имел значения: не молодость давала ей власть и не старость, а положение. Лицо её было тонким и красивым, с усталыми глазами, подведёнными сурьмой. На пальцах блестели кольца, но не слишком ярко; на ткани покрывала, тёмно-синей с серебром, узоры были едва заметны, пока свет не падал под нужным углом. Тогда они вспыхивали, как скрытая письменность.

Зайнаб представила её с тем почтением, которое Леоно́р сразу отметила. Саида приходилась роднёй правящему дому и была женой человека, чей союз когда-то помог удержать одну из горных крепостей. Это было сказано вскользь, но достаточно ясно: перед Леоно́р стояла женщина, которая сама стала частью договора.

— Сеньорита Леоно́р, — произнесла Саида на кастильском медленно, но чисто. — Я рада видеть, что дорога не отняла у вас сил.

— Госпожа Саида, вы очень любезны.

— Любезность полезна, когда люди встречаются в трудных обстоятельствах.

Она села на подушки, и все вокруг устроились в соответствии с невидимыми правилами старшинства. Леоно́р заметила, как Марьям отступила к стене, как Зайнаб осталась чуть сбоку, не вмешиваясь, но контролируя каждое движение, как Инес села рядом с Леоно́р так, чтобы выглядеть дуэньей, а не сторожем. В комнате стало больше женщин, больше ткани, больше запаха розовой воды и мёда, но воздуха, казалось, стало меньше.

Саида спросила о здоровье Леоно́р, о дороге, о том, не нуждается ли она в лекарствах. Вопросы были мягкими. Леоно́р отвечала так же мягко. Да, дорога была тяжёлой. Да, ей дали воду. Да, донья Инес рядом. Да, она благодарна за чистую комнату. Нет, ей не нужен лекарь. Всё это было безопасно, и всё же Леоно́р чувствовала, как беседа постепенно обходит её по кругу, словно невидимая рука ищет место, куда легче вставить нож.

— Ваш отец, должно быть, обеспокоен, — сказала Саида, взяв с подноса финик.

Леоно́р опустила глаза на чашу с водой.

— Любимый отец был бы обеспокоен судьбой дочери.

— Конечно. Особенно если дочь едет к важному браку.

Вот оно.

— Брак, выбранный семьёй, всегда важен для семьи, — ответила Леоно́р.

Саида чуть улыбнулась.

— Вы говорите осторожно.

— Я в незнакомом доме.

— В незнакомом дворце осторожность естественна. Но женщины иногда могут говорить проще между собой. Мужчины заключают договоры, но именно мы живём внутри их последствий.

Леонор подняла взгляд. В голосе Саиды не было насмешки. Там была усталость, которую трудно сыграть.

— Вы говорите это как человек, который знает.

Саида посмотрела на свои руки. Кольцо с зелёным камнем на её пальце поймало свет.

— Меня выдали замуж в пятнадцать лет. Я видела мужа до свадьбы один раз, и то через решётку. Мне сказали, что этот союз поможет удержать мир между двумя ветвями рода. Мир продержался три года. Потом мужчины нашли новый повод враждовать.

Инес, до того молчавшая, сухо произнесла:

— Значит, виновата была невеста. Невесты всегда удобны для объяснений.

Саида посмотрела на неё с интересом.

— У христиан так же?

— У христиан, госпожа, мужчины тоже умеют проигрывать свои дела, а потом находить женщину, рядом с которой можно положить вину.

На миг между двумя женщинами, разделёнными верой, языком, положением и стенами, возникло странное согласие. Леонор увидела его и запомнила. Роскошь Саиды не была свободой. Её кольца могли стоить целое имение, но, возможно, ни одно из них она не выбирала. Её покрывало было красиво, но оно лежало на плечах женщины, которую когда-то передали из одного решения в другое так же, как Леонор теперь передали из дороги во дворец.

— Ваш жених молод? — спросила Саида.

Вопрос был задан будто из женского участия, но Леонор уже слышала под ним другое: возраст жениха, его сила, его желание получить невесту обратно, возможность торга.

— Он в расцвете лет, — ответила она.

— Воин?

— Служил короне.

— Богат?

— Достаточно, чтобы мой род счёл союз достойным.

Зайнаб едва заметно опустила глаза. Это могло означать одобрение ответа. Или просто то, что она скрыла улыбку.

Саида не стала давить. Опытная женщина понимала, когда добыча уходит глубже в нору. Она заговорила о тканях, о дороге, о горном ветре, который портит кожу, о том, что в Альгамбре вода мягче, чем в крепостях. Но между этими темами снова и снова появлялись маленькие крючки: сколько братьев у Леонор, кто управлял домом после смерти её матери, часто ли в их доме бывали люди из двора королевы, близок ли дон Альваро к тем, кто получает земли на юге, строг ли дон Родриго, умеет ли Леонор вести переписку от имени семьи.

На часть вопросов Леонор отвечала общими словами. На часть — улыбкой. На часть — молчанием, которое старалась сделать похожим не на отказ, а на девичью скромность. Это было унижительно: прикрывать осторожность теми качествами, которые мужчины и старшие женщины охотно принимали за добродетель. Но Зайнаб была права. Во дворце правду не отдавали бесплатно.

Когда Саида поднялась уходить, она задержала Леонор взглядом.

— Вы держитесь достойно.

— Меня так учили.

— Достоинство — тяжёлая вещь, когда его приходится носить вместо свободы.

Леонор не нашла ответа. Саида не ждала его. Она лишь коснулась пальцами края своего покрывала, словно поправляя невидимую складку, и вышла в сопровождении своих женщин.

После её ухода комната не успела остыть от ароматов и голосов, как пришла следующая посетительница.

Рахима, вдова Мусы аль-Катиба, вошла без церемоний. Ей было, вероятно, чуть больше тридцати, но горе сделало её возраст неопределённым. Лицо её не было красивым в привычном смысле: слишком резкие черты, слишком тёмные круги под глазами, слишком крепко сжатый рот. Одежда была хорошей, но почти без украшений. На запястье она носила старый мужской перстень на шнурке — видимо, кольцо мужа. Леонор сразу заметила это, потому что сама носила крест матери так же: не как украшение, а как последнюю живую связь с тем, кого больше нельзя вернуть.

— Мне сказали, вы помогали раненым, — сказала Рахима вместо приветствия.

Леонор удивилась.

— На дороге?

— В крепости. После вылазки. Вы перевязывали людей господина Юсуфа.

— Я делала то, что могла.

— Христианка, лечащая воинов Гранады. Забавная история для тех, кто любит истории.

— Для раненых это не было историей.

Рахима посмотрела на неё пристально. В этом взгляде впервые за утро не было ни оценивающей дворовой мягкости, ни любопытства. Там было что-то почти грубое, но честное.

— Хороший ответ.

Она села не там, где ей указала служанка, а чуть ближе к окну. Зайнаб не вмешалась, значит, Рахиме многое позволяли. Или многое прощали.

— Мой муж погиб под Лохой, — сказала Рахима. — Его принесли без правой руки. Лицо было целым, и все говорили, что мне повезло: я смогла проститься, зная, что это он. Люди любят говорить о чужом везении, когда не знают, что ещё сказать.

Леонор медленно опустила голову.

— Мне жаль.

— Да? — Рахима усмехнулась без злобы. — Христианке жаль мавританского воина?

— Мне жаль женщину, которая потеряла мужа.

Рахима не ответила сразу. Её пальцы коснулись мужского перстня.

— Тогда, может быть, вы умнее многих.

Инес посмотрела на вдову внимательнее. В комнате снова изменился воздух. Рахима не пришла плести узоры. Она принесла с собой боль, а боль, если её слишком долго не выпускать, становится прямой.

— У вас есть сын? — спросила Леонор осторожно.

Рахима улыбнулась так, что Леонор сразу поняла: вопрос попал туда, где рана ещё не закрылась.

— Есть. Ему двенадцать. Его уже забрали к людям моего брата. Говорят, мальчику полезно расти среди мужчин, если отец погиб. Говорят, сын воина должен учиться держать оружие раньше, чем его руки привыкнут к письму. Говорят, это честь для дома.

— А вы?

— А я женщина. Мне разрешили гордиться.

Это было сказано так тихо, что даже Марьям у стены перестала дышать.

Леонор вспомнила, как дома ей говорили: тебе выпала честь стать женой дон-Альваро; тебе выпала честь укрепить род; тебе выпала честь послужить христианскому делу достойным браком. Честь часто оказывалась словом, которым закрывали рот тому, у кого забрали выбор.

— У нас тоже любят это слово, — сказала она.

— Честь?

— Да.

— Оно красиво звучит, пока его не положат тебе на грудь, как камень.

Рахима произнесла это без вызова, но Леонор почувствовала, как Инес рядом едва заметно перекрестилась. Не из несогласия. Скорее от того, что чужая женщина сказала слишком знакомую правду.

Вопросы Рахимы были другими. Она почти не спрашивала о роде Асторга, зато интересовалась, где Леонор научилась перевязывать раны, видела ли она кровь раньше, боится ли запаха гноя, знает ли травы против жара. В этих вопросах тоже могла скрываться польза: дворец выяснял, чем пленница может быть ценна помимо имени. Но с Рахимой это казалось менее грязным. Возможно, потому, что её интерес был не только политическим. Она знала цену ранам.

— Если вас попросят помочь в лечебных покоях, вы откажетесь? — спросила она.

Зайнаб, до того молчавшая, подняла взгляд. Видимо, этот вопрос не был согласован.

Леонор медленно ответила:

— Если там будут страдающие люди, я не смогу отказать только потому, что они молятся иначе.

— Даже если среди них будут те, кто сражался против ваших?

— На перевале я видела людей, которые сражались за меня. Не все они остались живы. Если однажды их будет лечить женщина из вашего народа, я надеюсь, она не станет спрашивать, кому они служили, прежде чем остановить кровь.

Рахима долго смотрела на неё. Потом кивнула.

— Хорошо.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что война скоро принесёт во дворец больше раненых, чем писем. Письмами занимаются мужчины. Раны достаются всем.

Она поднялась так же резко, как вошла. У двери задержалась и сказала, не оборачиваясь:

— Вы не первая женщина, которую привезли в Альгамбру против её воли. Но вы, может быть, первая, кто ещё не понял, что вопрос не только в том, как выйти. Иногда вопрос в том, кем ты станешь, пока дверь закрыта.

Когда Рахима ушла, Леонор ещё долго смотрела на пустое место у окна. Саида показала ей роскошь как форму договора. Рахима — горе как форму долга. Обе были свободнее её внешне: они могли ходить по дворцу, принимать гостей, говорить без стражи у дверей. Но каждая носила собственную невидимую решётку. Одна — брак, заключённый ради мира, который всё равно рассыпался. Другая — вдовство, превращённое в почёт, и сына, которого уже отнял будущий меч.

К полудню Леонор устала так, будто её снова везли через горы. Мягкие вопросы изматывали сильнее грубых угроз. У угрозы есть край: её можно выдержать, пока она длится. Вежливый допрос не заканчивался. Он растворялся в мёде, фруктах, сочувствии, женских воспоминаниях, вопросах о платьях, родне, дороге и женихе.

Третья посетительница пришла не сразу. Сначала Леонор решили вывести в небольшой закрытый двор, чтобы она “подышала воздухом”. Зайнаб сама принесла эту новость, и, как всегда, в её словах было столько удобной правды, сколько требовалось, чтобы скрыть неудобную.

— Вы можете прогуляться, — сказала она. — С сопровождением.

— То есть меня можно перенести из одной клетки в другую?

— Да, если вам угодно называть сад клеткой.

— А если не угодно?

— Тогда вы быстрее научитесь пользоваться тем, что доступно.

Инес, у которой от долгого сидения разболелись ноги, поддержала прогулку. Марьям принесла лёгкое покрывало. Дверь открыли, и Леонор впервые вышла из комнаты не как жен-

щина, направляющаяся в новый дом, и не как пленница под копьями, а как “гостя”, которой позволили увидеть кусок собственной тюрьмы.

Двор был небольшим, скрытым от главных проходов. В центре находился узкий водоём, вытянутый, как зеркало. По краям росли мирты и апельсиновые деревья, на каменных плитах лежали пятна света. Стены были покрыты узорами до такой степени, что Леонор снова почувствовала себя внутри письма, написанного языком, которого не понимала. Вода отражала арки, и арки в отражении казались такими же настоящими, как каменные. Здесь всё удваивалось: свет и тень, красота и стража, свобода и её подобие.

У одной из арок сидела женщина с книгой.

Она была старше Леонор, но моложе Зайнаб, с тонким лицом и спокойной осанкой. Её покрывало было тёмно-фиолетовым, почти лишённым украшений. На коленях лежала раскрытая книга, рядом — дощечка, чернильница и несколько сложенных писем. Она не поднялась при появлении Леонор, только отметила её взглядом и закрыла книгу пальцем, не теряя страницы.

— Наджда бинт Фарид, — тихо сказала Зайнаб. — Её отец был писцом при дворе. Муж тоже служит канцелярии. Иногда кажется, что она знает о письмах больше, чем оба.

— Иногда? — спросила женщина у арки, и это было первое её слово. — Ты сегодня добра ко мне, Зайнаб.

— Я стараюсь не пугать нашу гостью сразу всем.

Наджма посмотрела на Леонор. В её взгляде не было ни Саидиной отточенной вежливости, ни Рахиминой боли. Там был ум. Чистый, внимательный, почти холодный. Леонор невольно выпрямилась.

— Сеньорита Леонор, — сказала Наджда. — Вас уже спрашивали о дороге, женихе, роде, здоровье, вере и страхе?

— О страхе — пока нет.

— Значит, самые вежливые ещё не приходили.

Инес тихо кашлянула. Леонор, несмотря на усталость, почувствовала, что эта женщина ей опасно интересна.

— Вы читаете? — спросила она, кивая на книгу.

— Да.

— Простите. Я имела в виду...

— Вы имели в виду, странно ли женщине читать в месте, где мужчины решают судьбы городов? Не страннее, чем мужчине решать судьбу письма, которое он не умеет понять до конца.

Зайнаб сухо заметила:

— Наджда любит начинать разговор с края пропасти.

— Люди лучше запоминают первые слова, если под ними пустота.

Леонор села напротив неё у водоёма. Две стражницы остались у входа во двор. Марьям держалась позади. Инес села рядом, но чуть в стороне, позволяя разговору идти, хотя её взгляд предупреждал: умные женщины не менее опасны, чем грубые мужчины.

— Вы знаете кастильский очень хорошо, — сказала Леонор.

— Письма учат языкам быстрее, чем молитвы. Особенно чужие письма.

— Вы переводите для двора?

— Нет.

Ответ был коротким.

— Но умеете?

— Умение и разрешение редко рождаются в один день, сеньорита.

Наджма провела пальцем по краю книги. Леонор заметила чернильное пятно у неё на указательном пальце. Маленькая, почти неприличная для благородной женщины отметина труда.

У себя дома Леонор иногда сама писала письма под диктовку отца, когда писец отсутствовал, но ей всегда напоминали: слишком уверенная рука у женщины привлекает лишнее внимание. Наджда, казалось, давно привлекла это внимание и научилась жить под ним.

— Вы сказали, что умеете читать по-латински, — произнесла Наджда.

Леонор бросила взгляд на Зайнаб.

— Мои слова быстро путешествуют.

— Во дворце слова быстрее людей.

— Достаточно для молитв, — ответила Леонор осторожно. — И для семейных писем.

— А если письмо написано мужчиной, который хочет скрыть страх под благочестием?

— Тогда его страх обычно виден в том, где он слишком часто поминает волю Божью.

Наджда впервые улыбнулась.

— Хорошо.

Леонор поняла, что её проверили. Не грубо, не прямо, но проверили: умеет ли она видеть не только буквы, но и намерение. Значит, дворцу уже важно не только её имя. Её ум тоже начинали взвешивать.

— А вы? — спросила она. — Как узнаете ложь в письмах?

— Ложь любит украшения. Правда чаще спотыкается. Человек, который сообщает то, что действительно видел, иногда пишет неровно, забывает порядок, повторяет малое. Человек, который строит удобную ложь, слишком заботится о гладкости.

— Это относится только к письмам?

— К людям тоже.

На миг они обе замолчали. Вода в узком бассейне слегка дрогнула от ветра, и отражение арки распалось на мелкие полосы.

— Вам позволяют читать чужие письма? — спросила Леонор.

— Мне позволяют находиться в комнате, где их читают мужчины, если нужно вспомнить, где лежит нужная печать, какая формула употреблялась в прошлый раз и почему слово, которое один посол считает безобидным, другой сочтёт оскорблением. Потом мужчины говорят, что приняли решение.

В её голосе не было горечи. И именно отсутствие горечи говорило о том, как давно она привыкла к этому порядку.

— Но решение готовите вы?

— Иногда я подаю чернила в нужный момент.

Зайнаб взглянула на неё предостерегающе.

— Наджда.

— Я не сказала ничего, чего дворец не знает. Дворец просто предпочитает делать вид, что не знает.

Леонор смотрела на неё и понимала: перед ней третья клетка. Саиду отдали в брак ради союза. У Рахимы забрали мужа и теперь забирали сына. Наджда имела ум, образование, доступ к письмам, языкам и тайным ходам политики, но её влияние должно было оставаться тенью. Мужчины пользовались её памятью, её языками, её способностью читать между строк, но открытое право решать принадлежало не ей.

— Почему вы пришли ко мне? — спросила Леонор.

Наджда закрыла книгу.

— Потому что мне стало любопытно, какой рукой пишет женщина, из-за которой Юсуф ибн Саид поставил свою печать на таком резком письме.

— Вы видели письмо?

— Я видела, как его несли.

— Но не читали?

— Разве я сказала, что не читала?

Инес тихо произнесла:

— Пресвятая Дева, здесь даже отрицание нужно проверять на зуб.

Наджма посмотрела на неё с явным удовольствием.

— Ваша дуэнья мне нравится.

— Она многим нравится после того, как перестают её бояться, — сказала Леонор.

— А вы, сеньорита? Вас нужно сначала бояться?

Вопрос звучал почти игриво, но Леонор уже научилась не доверять лёгкости.

— Я заложница в запертой комнате. Бояться меня было бы странно.

— Нет. Бояться нужно не только тех, у кого ключи. Иногда больше всего боятся тех, кто не согласен быть тем, чем его называют.

Леонор не ответила. Наджма попала слишком точно.

Разговор продолжался долго. Наджма спрашивала о Кастилии иначе, чем Саида. Её интересовали не столько родовые связи, сколько слова: как в доме Леонор называли Гранаду, какие имена произносили чаще, какие слухи доходили о дворе эмира, как говорили о королеве Изабелле, что женщины знали о войне, какие молитвы читали за воинов, какие письма приходили после падения крепостей. Всё это звучало как беседа о жизни по ту сторону границы. Но Леонор понимала: из таких слов можно собрать карту страха. Не хуже, чем из донесений разведчиков.

Она отвечала осторожно. Говорила о том, что знали все: война идёт давно, короли хотят завершить её, на юге ждут новых земель, семьи ищут браки, которые укрепят положение. Она не называла имён тех, кто бывал в доме отца, не пересказывала разговоров дон Родриго, не говорила, какие вести приходили от дон Альваро. Наджма слушала без видимого разочарования.

— Вы быстро учитесь, — сказала она наконец.

— Мне вчера посоветовали слушать больше, чем говорить.

— Зайнаб?

— Да.

— Она мудра. Но её мудрость — от дверей. Моя — от бумаги. Рахими́на — от могил. Саидина — от брачного ложа. Во дворце у каждой женщины свой учитель.

Леонор почувствовала, как эти слова ложатся в неё тяжёлым узором. Двери, бумага, могилы, брачное ложе. Не книги, не наставники, не свободный выбор, а места, куда женщин ставила жизнь.

— А мой учитель? — спросила она, сама не зная зачем.

Наджма посмотрела на неё внимательно.

— Пока — плен. Потом увидим, чему он вас научит.

Зайнаб прервала разговор, когда солнце поднялось выше и двор стал слишком жарким. Леонор уже собиралась вернуться в комнату, но Наджма неожиданно протянула ей маленький листок. На нём было написано несколько арабских строк.

— Что это?

— Пословица. Не письмо. Не тайна. Не ловушка.

— Почему вы даёте её мне?

— Потому что вы смотрели утром на книгу так, будто боялись собственного любопытства. Любопытство не грех. Грех — отдавать его первому, кто предложит ответ.

Леонор взяла листок. Письмо было красивым и непонятным.

— Я не могу прочесть.

— Попросите Марьям. Она разберёт медленно. Или Зайнаб, если захотите точности. Или меня, если захотите услышать, что там написано на самом деле.

— А там не одно и то же?

Наджма улыбнулась.

— Теперь вы начинаете понимать.

На обратном пути Леонор держала листок в руке так осторожно, будто он был не пословицей, а первой трещиной в стене. Инес заметила это и ничего не сказала до самой комнаты. Когда дверь закрылась, дуэнья подошла к ней и протянула ладонь.

— Покажи.

Леонор отдала ей листок. Инес посмотрела на арабские строки, нахмурилась, перевернула листок, будто смысл мог оказаться на другой стороне, и вернула.

— Красиво. Опасно. Бесполезно, пока не знаешь языка.

— Марьям сможет прочесть.

— Марьям сможет прочесть так, как ей удобно или как её научили.

— Ты думаешь, Наджда дала мне ловушку?

— Я думаю, в этом дворце даже подарок сначала спрашивает, кто его получит.

Леонор положила листок на стол. Марьям, вошедшая с водой, заметила его и сразу отвела глаза. Слишком быстро.

— Ты знаешь, что там написано? — спросила Леонор.

— Да, госпожа. Это известные слова.

— Прочти.

Марьям подошла, взяла листок двумя руками и медленно произнесла арабскую фразу. Звуки текли мягко, но Леонор не понимала их. Потом девушка перевела:

— “Не всякая дверь открывается ключом. Некоторые открываются тем, кто знает, зачем входит”.

Инес скептически посмотрела на листок.

— Удобная пословица для дома, где все двери закрыты.

Леонор смотрела на строки. Не всякая дверь открывается ключом. Вчера ей казалось, что свобода — это открытая задвижка. Сегодня, после Саиды, Рахимы и Наджмы, всё стало сложнее. Женщины Альгамбры ходили через множество открытых дверей и всё равно оставались внутри решений, принятых другими. Значит, ключ был не единственной мерой свободы. Но отсутствие ключа всё ещё было её самым очевидным признаком.

После полудня посетительницы больше не приходили. Возможно, дворец решил, что на первый день достаточно. Возможно, сведения уже ушли туда, где их будут раскладывать по полкам. Леонор сидела у окна, вышивая маленький край платка, который дала ей Марьям. Руки сами искали привычное занятие, но мысли не успокаивались. Каждая женщина оставила после себя не только слова, но и отражение. Саида: красота, родство, брак как мирный договор, который женщина несёт телом. Рахима: вдовство, сын, война, которая забирает мужчин и всё равно распоряжается женщинами через их память. Наджда: ум без права подписи, знание без официального голоса, власть, которая существует только пока мужчины делают вид, что её нет.

Леонор пыталась понять, какая из них свободнее, и не могла. Потом с ужасом поняла, что задаёт неправильный вопрос. Возможно, во дворце свобода не принадлежала никому целиком. У одних её отнимали грубо. У других — украшали, называли долгом, браком, честью, служением, мудростью. От этого несвобода становилась не легче, а незаметнее.

Ближе к вечеру вернулась Зайнаб. Она сказала, что Леонор позволено пройти в другой двор, где прохладнее, если та пожелает. Инес тут же спросила, кто именно пожелал этой прогулки — Леонор или те, кому нужно показать, что гостя не томится в запертой комнате. Зайнаб ответила, что иногда желания разных людей совпадают достаточно, чтобы ими воспользоваться.

Они вышли.

На этот раз путь был длиннее. Леонор провели через узкий коридор, потом через галерею, где свет падал сквозь резные проёмы и дробился на полу, потом мимо закрытой двери,

за которой слышались мужские голоса. Зайнаб остановилась на мгновение, прислушалась, и её лицо почти незаметно изменилось.

— Подождите здесь, — сказала она.

— Почему? — спросила Инес.

— Потому что дальше сейчас идут люди, которым лучше не видеть сеньориту без предупреждения.

— Или сеньорите лучше не видеть их? — уточнила дуэнья.

— И это тоже.

Зайнаб отошла к повороту, чтобы переговорить с одной из служанок. Стражницы остались рядом, но чуть в стороне. Леонор стояла у стены, покрытой таким сложным узором, что от него начинало рябить в глазах. Мужские голоса за дверью стали отчётливее. Она не собиралась подслушивать. По крайней мере, сказала себе это в первую секунду. Но потом услышала своё имя.

Леонор де Асторга.

Она замерла.

Говорили по-арабски, и сначала она понимала только отдельные имена: Юсуф, Асторга, Мендоса, Кастилия. Потом один из мужчин перешёл на кастильский — возможно, ради другого участника разговора, возможно, цитируя чужое письмо. Голос был низким, уверенным, с лёгкой насмешкой.

— Пока Красный сокол называет её заложницей, она принадлежит переговорам. Это даёт ему право держать руку на её судьбе. Но если девушку выдать замуж, вопрос изменится. Кастильцы не смогут требовать возвращения невесты, которая стала женой мусульманина. Её род будет кричать о позоре, но позор делает путь назад уже. Иногда крепость легче удержать, если сжечь мост.

Другой голос ответил резко, уже по-арабски. Леонор не поняла слов, но тон был возмущённым. Первый снова заговорил по-кастильски, словно нарочно вырезая фразы так, чтобы их мог понять даже тот, кто стоял за стеной.

— Я не говорю о насилии. Всё можно сделать благочестиво и полезно. Найти союзника, которому нужна связь с именитой христианской кровью. Предложить ей защиту, дом, новое имя. Если потребуется — обращение. Женщины часто принимают ту веру, в которой им обещают безопасность.

Леонор почувствовала, что каменная стена под её ладонью стала холодной.

Инес тоже слышала. Она шагнула ближе, лицо её побледнело от ярости. Одна из стражниц заметила движение, но не поняла причины. За дверью мужчина продолжал:

— Пока она девица Асторга, она оружие против нас и для нас. Если станет женой нашего союзника, она останется оружием только для нас. А Юсуф ибн Саид, как бы ни ценил свою печать, не сможет вечно прятать её за словом “гостя”.

Леонор больше не слышала воды, шагов, шороха покрывала. Только собственное сердце. Вот она, новая дверь. Не просто плен. Не просто выкуп. Не просто мягкие вопросы женщин. Кто-то уже думал, как сделать её возвращение невозможным не цепями, а браком. Как превратить её честь в ловушку, веру — в предмет торга, имя — в мост, который можно сжечь за её спиной.

Зайнаб вернулась быстро. Один взгляд на лицо Леонор — и она поняла, что та слышала достаточно.

— Идёмте, — сказала она тихо.

— Кто это? — спросила Леонор.

Зайнаб не ответила.

— Кто это говорил? — повторила Леонор, уже не заботясь о том, слышат ли стражницы.

Инес произнесла ледяным голосом:

— Мы имеем право знать имя человека, который обсуждает брак моей госпожи, пока она стоит за дверью.

Зайнаб посмотрела сначала на Инес, потом на Леонор. В её глазах впервые мелькнуло не только предупреждение, но и тревога.

— В Альгамбре, сеньорита, многие мужчины обсуждают чужие судьбы раньше, чем узнают, как звучит голос того, о ком они говорят.

— Его имя.

Зайнаб помолчала.

— Абу Ильяс аль-Ваззан. Советник одного из вельмож, который считает, что Гранаде нужны более решительные союзы.

— Он хочет выдать меня замуж?

— Он хочет, чтобы ваше возвращение к кастильцам стало невозможным.

Леонор сжала пальцы так сильно, что ногти впились в ладони.

— Я не стану менять веру ради их удобства.

— Тогда не позволяйте им увидеть, что они уже нашли ваш самый большой страх.

Зайнаб сказала это резко, почти приказом. И именно резкость вернула Леонор дыхание. Страх хотел бросить её к двери, заставить кричать, требовать, проклинать. Но это было бы подарком тем, кто говорил за стеной. Испуганная заложница подтверждала свою цену. Разъярённая христианка подтверждала опасность. Любая крайность становилась доводом в чужом споре.

Леонор выпрямилась.

— Ведите меня обратно.

— Прогулка...

— Закончена.

Зайнаб кивнула. На этот раз не спорила.

Они шли назад молча. Узоры на стенах больше не казались кружевом. Они казались сетями, наложенными одна на другую. Каждая женщина, которую Леонор встретила сегодня, жила за своим узором. Саида — за серебром брачного союза. Рахима — за чёрной нитью вдовства. Наджда — за тонкими строками писем, которые она понимала лучше тех, кто ставил печати. А теперь для самой Леонор уже готовили новый узор: брак, обращение, новое имя, невозможность вернуться.

В комнате дверь закрылась за ними тихо, но Леонор впервые не подошла к ней и не коснулась дерева. Она встала у окна, глядя на апельсиновую ветку за решёткой. Внизу вода всё так же журчала, будто ничего не произошло. Гранада всё так же дышала за стенами. Альгамбра всё так же была прекрасна.

Именно это было страшнее всего.

Человек мог услышать приговор среди крика, железа и дыма — и понять, что перед ним враги. Но здесь её судьбу обсуждали за резными дверями, в тени прохладных галерей, среди воды, света и улыбок. Здесь никто не называл её добычей. Здесь подбирали более мягкие слова: союз, защита, дом, новое имя.

Леонор медленно достала из-под платья крест матери и сжала его в ладони.

— Они не получают этого, — сказала она.

Инес встала рядом.

— Чего именно?

— Моего имени. Моей веры. Моего возвращения. Моего страха.

Старая дуэнья посмотрела на неё долго. Потом кивнула.

— Вот теперь ты начинаешь говорить как женщина, которую опасно недооценивать.

За дверью слышались шаги. Кто-то остановился, потом пошёл дальше. Леонор не знала, был ли это случайный стражник, служанка или человек, которому уже поручили узнать, как быстро христианская заложница испугается мысли о браке с чужим союзником.

Она не испугалась.

Нет, это было ложью. Она испугалась так сильно, что внутри всё стало ледяным.

Но впервые с момента похищения Леонор поняла: страх можно не только терпеть. Его можно спрятать, заточить и сделать острым.

А в Альгамбре, как сказала Инес, память иногда была острее ножа.

Глава 5. Альгамбра

Юсуф ибн Саид прибыл в Альгамбру к концу следующего дня, когда жара уже ушла из камня, но свет ещё держался на стенах, делая красную крепость мягче, чем она была на самом деле. Леонор узнала о его приезде не от Зайнаб и не от стражниц. Сначала изменился сам воздух дворца. В коридорах стало тише, шаги — быстрее, голоса — ниже. Марьям, вошедшая с водой, поставила кувшин не на обычное место и только после этого заметила, что руки у неё дрожат. Донья Инес сразу подняла голову от шитья, потому что в доме, где женщин держали за резными дверями, новости часто приходили раньше слов — в неудачно поставленной чаше, в слишком быстрой походке служанки, в паузе перед ответом.

— Он приехал? — спросила Леонор.

Марьям побледнела от того, что её поняли так быстро.

— Господин Юсуф прибыл, госпожа.

Инес медленно протянула нитку сквозь ткань, затянула стежок и только потом произнесла:

— Значит, сейчас выяснится, чьё слово здесь тяжелее: его или тех людей, что обсуждают чужие браки за дверью.

Леонор не ответила. Со вчерашнего вечера она почти не выпускала из рук материнский крест. Не показывала этого Марьям, не позволяла себе нервно сжимать его при каждой фразе, но стоило остаться без чужих глаз — пальцы сами находили металл под тканью. Слова, услышанные за дверью, продолжали жить в ней, как яд, который ещё не убивает, но уже меняет вкус всего, к чему прикасается. Брак с мусульманским союзником. Новое имя. Обращение. Невозможность возвращения. Её судьбу обсуждали так спокойно, будто речь шла о том, куда переставить сундук, чтобы он не мешал проходу. И страшнее всего было не то, что один из вельмож желал использовать её таким образом. Страшнее было другое: его слова не прозвучали безумными. Они звучали как один из возможных ходов.

Зайнаб пришла вскоре после заката. Сегодня на ней не было обычного спокойствия, которым она прикрывала все дворцовые движения. Лицо оставалось собранным, голос — ровным, ключ у пояса — на месте, но Леонор уже научилась видеть малое. Зайнаб вошла слишком быстро, а перед тем как заговорить, бросила короткий взгляд на Марьям, и девушка тут же отступила к двери.

— Господин Юсуф просит вас пройти с ним, — сказала Зайнаб.

Инес поднялась раньше Леонор.

— Куда?

— Во дворец.

— Мы уже во дворце.

— В ту часть, которую сеньорита ещё не видела.

— Зачем?

Зайнаб посмотрела на Леонор, а не на дуэнью.

— Он сказал: “Пусть она увидит, где находится, прежде чем другие объяснят ей это вместо меня”.

Леонор почувствовала, как внутри что-то напряглось. Это было похоже на вызов. Не приглашение, не любезность, не прогулка для здоровья пленницы. Юсуф хотел что-то показать. Или доказать. Или предупредить. В Альгамбре всё имело второе дно, и она уже не могла позволить себе принимать даже простое движение за простое.

— Донья Инес пойдёт со мной, — сказала она.

— Да, — ответила Зайнаб. — Таков его приказ.

— Как щедро с его стороны позволить мне не оставаться наедине с моим тюремщиком.

Зайнаб не улыбнулась.

— Во дворце иногда лучше, когда приказ совпадает с приличием. Не спорьте с совпадениями, сеньорита. Их мало.

Инес подошла к Леонор, поправила ей вуаль, задержала пальцы у плеча и сказала совсем тихо:

— Смотри. Слушай. Не бей первой, если не знаешь, где стоят его люди.

— Ты правда думаешь, я могу его ударить?

— Я думаю, ты можешь сказать так, что он предпочёл бы удар. Это тоже опасно.

Дверь открылась. В коридоре стояли две женщины-стражницы и Самир. Его появление показалось Леонор почти неожиданной встречей со знакомым человеком, хотя этот знакомый привёз её в плен. Самир поклонился почтительно, но не низко. На его лице мелькнуло облегчение, когда он увидел, что она здорова. Это было слишком человеческое выражение, и Леонор поспешила не доверять ему.

— Госпожа, — сказал он.

— Вы передали господину Юсуфу мои слова? — спросила она.

Самир понял сразу.

— Да.

— И что он ответил?

Молодой воин замялся, но всё же произнёс:

— Он сказал, что цепи звенят громче, когда человек ещё помнит свободу.

Инес тихо фыркнула.

— Очень утешительно. Ваш господин, должно быть, сочиняет такие слова на досуге, когда не похищает невест.

Самир не нашёл ответа и опустил глаза. Леонор же почувствовала раздражение, которое всегда приходило после слов Юсуфа. Они не были милосердными, но попадали слишком близко к правде. Он не отрицал цепей. Не украшал их. Просто напоминал, что слышит их звук не хуже неё.

Юсуф ждал не в коридоре и не в зале, где можно было бы устроить маленькое представление перед свидетелями, а во внутреннем дворе, рядом с длинным водоёмом. Вечерний свет лежал на поверхности воды, и отражение арок казалось глубже самих арок. Несколько стражников держались на расстоянии. Зайнаб остановилась у входа, как будто дальше идти ей не велели или она сама решила не вмешиваться в разговор, который должен был состояться без её переводов и подсказок. Донья Инес осталась рядом с Леонор, но чуть позади, давая понять: приличия соблюдены, однако девушка не без присмотра.

Юсуф был в том же красном плаще, только теперь ткань не казалась огненной, как в крепости. В мягком свете Альгамбры красный цвет стал глубже, строже, почти винным. На поясе у него висел меч, но рука находилась далеко от рукояти. Он выглядел не как человек, пришедший угрожать пленнице, и именно это заставило Леонор насторожиться сильнее. С открытой угрозой она уже умела стоять прямо. С этим спокойствием было труднее.

— Сеньорита Леонор, — сказал он.

— Господин Юсуф.

Инес тихо выдохнула, видимо одоблив, что обращение снова оказалось достаточно холодным и достаточно вежливым. Юсуф заметил это, конечно, но не подал вида.

— Вам передали, зачем я пришёл?

— Мне передали, что вы хотите показать мне, где я нахожусь. Хотя я уже успела понять главное: за дверью.

Юсуф посмотрел на неё внимательно. Его лицо не изменилось, но взгляд стал чуть острее.

— За дверью можно находиться в любом дворце.

— Но не всякий дворец называет запертую женщину гостьей.

— Это слово выбрали не для вас.

— А для кого?

— Для тех, кто будет читать письма.

Ответ был настолько прямым, что Леонор на мгновение потеряла возможность возмутиться. Она уже должна была привыкнуть к его способу говорить, но не привыкала. В Альгамбре все подбирали мягкие слова, чтобы скрыть камень под тканью. Юсуф, напротив, убирал ткань слишком быстро, и камень оказывался прямо перед ней.

— Значит, я гостя на пергаменте, — сказала она. — А в комнате — заложница.

— Да.

— Вы не боитесь, что однажды ваша честность начнёт выглядеть хуже лжи?

— Честность не обязана утешать, чтобы быть полезной.

— Всё у вас полезно.

— В осаждённом городе бесполезные вещи быстро становятся роскошью.

Леонор хотела спросить, считает ли он человеческую свободу роскошью, но удержалась. Не потому, что передумала. Потому что Зайнаб была права: прямые слова нужно тратить не сразу. Вместо этого она посмотрела на водоём, где отражались резные арки. Вода была почти неподвижна, и от этого мир внизу казался таким же настоящим, как мир над ним. Если бросить камень, оба разрушились бы одинаково.

— Зачем вы привели меня сюда? — спросила она.

— Чтобы вы увидели Альгамбру не через решётку окна и не через слова женщин, которым поручено узнать, сколько вы стоите.

Инес не удержалась:

— Значит, вы признаёте, что её допрашивали?

Юсуф повернул голову.

— Конечно.

— Прекрасно. А мы-то думали, это были дружеские визиты со сладостями.

— Сладости не мешают допросу. Иногда помогают.

— У вас отвратительная привычка соглашаться там, где приличный человек стал бы смущаться.

— Приличный человек часто тратит смущение вместо дела.

Инес поджала губы, но промолчала. Леонор поняла, что Юсуф ей не нравился, но раздражал её не так, как Хамид или Абу Ильяс. С Хамидом всё было просто: грубость, насилие, низкая угроза. С Абу Ильясом — расчёт, прикрытый благочестивыми словами о союзе. Юсуф же был опасен другим. Он не снимал с мира грязи, но и не притворялся, что грязи нет. Рядом с ним труднее было обманывать себя.

— Вы знаете, что я слышала вчера? — спросила Леонор.

— Да.

— И что вы намерены с этим делать?

— Уже сделал.

— Что?

— Человек, который предложил выдать вас замуж ради пользы Гранады, сегодня лишился права входить в женские покои дворца без письменного разрешения совета. Его господину напомнили, что моя печать на письме о вашей защите ещё не снята. Абу Ильяс любит резкие ходы, но не любит, когда его имя называют слишком громко.

Леонор внимательно смотрела на него, пытаясь понять, достаточно ли этого, чтобы почувствовать облегчение. Нет. Недостаточно.

— Значит, он всё ещё может говорить о моей судьбе в других комнатах?

— Разумеется.

— И вы говорите это так спокойно?

— Было бы глупо обещать, что я заставлю всех мужчин Альгамбры перестать обсуждать полезную заложницу.

— Полезную.

— Да.

— Вы не можете произнести моё имя без того, чтобы рядом не поставить цену?

Юсуф молчал дольше обычного.

— Могу, — сказал он наконец. — Но пока это было бы ложью.

Эти слова задели сильнее, чем прежние. Леонор почувствовала, как гнев поднимается к горлу, но вместе с ним поднялось и что-то другое — боль от того, что даже в его грубоватой честности не было насмешки. Он не оскорблял её. Он называл её положение. И именно положение было оскорбительным.

— Ведите, — сказала она. — Раз вы хотите показать мне мою клетку целиком.

Юсуф кивнул, будто принял не просьбу, а условие. Он пошёл первым не так, как идут хозяева перед гостем, демонстрируя владение, и не так, как тюремщики ведут узника. Скорее как человек, знающий, что каждый коридор вокруг него является частью карты, а карта нужна тому, кто хочет выжить. Леонор пошла рядом, не позади. И если Юсуф это заметил, то не стал поправлять.

Они прошли через аркаду, где вечерний свет ложился на тонкие колонны. Камень был тёплого цвета, но в тени казался почти белым. На стенах тянулись надписи и узоры. Леонор не понимала букв, однако теперь, после разговора с Наджмой, уже не могла смотреть на них как на простое украшение. Это были слова. Чужие слова, повторённые сотни раз, вплетённые в стены, поднятые над дверями, спрятанные в изгибах линий. Христианские замки часто говорили с людьми через изображения святых, гербы, распятия, сцены мученичества. Здесь стены говорили письмом, которое не открывалось ей. Это раздражало и манило одновременно.

— Что здесь написано? — спросила Леонор, не удержавшись.

Юсуф проследил за её взглядом.

— Многое. Хвала Богу. Стихи. Имена правителей. Напоминания о победах, которых уже нет.

— Победы могут исчезнуть?

— Быстрее, чем надписи о них.

Он сказал это без горечи, но Леонор услышала в его голосе тень. Гранада действительно жила среди надписей о прежней силе, пока за стенами сжималось кольцо христианских королей. Возможно, поэтому красота дворца так ранила. Она была не просто украшением власти. Она была памятью о власти, которая могла не пережить тех, кто ещё ходил по этим залам.

Они вышли в другой двор. Там вода текла по узкому каналу, разделяя пространство с такой точностью, будто кто-то провёл по камню серебряную линию. По обеим сторонам росли мирты. Воздух был прохладнее, чем в коридорах. Леонор остановилась на миг, потому что звук воды вдруг заставил её вспомнить дом: не дворец отца, а маленький сад матери, где в жаркие дни служанки ставили глиняные чаши с водой под лавры. Там всё было проще, беднее, но принадлежало её памяти без угрозы. Здесь же вода была прекрасной и чужой.

— В Альгамбре везде вода, — сказала она.

— Где есть вода, там есть власть.

— Я думала, власть там, где мечи.

— Мечи берут ворота. Вода удерживает город.

Юсуф остановился рядом с каналом. На мгновение его лицо стало не военным и не придворным, а почти усталым. Он смотрел на воду так, как смотрят не на красоту, а на то, что слишком долго охраняли.

— Наши сады, бани, фонтаны, кухни, конюшни, ремесленники, зерно, лошади, люди — всё требует порядка, — сказал он. — Кто управляет водой, тот управляет дыханием города. Кто управляет дорогами, тот управляет хлебом. Кто управляет браками, тот управляет союзами. Кто управляет страхом, тот управляет теми, кто ещё не решил, предавать или ждать.

— Вы говорите так, будто город — это механизм.

— Нет. Механизм проще. Город — это много голодных, гордых, напуганных и жадных людей, которым нужно каждое утро дать причину не вцепиться друг другу в горло.

Леонор посмотрела на него.

— И для этого нужны заложники?

— Иногда.

— Женщины?

— Часто.

— Браки без любви?

— Почти всегда.

— Вы говорите об этом так спокойно, будто вас не смущает, что порядок держится на чужой несвободе.

Юсуф медленно провёл взглядом по двору, по воде, по резным стенам, по стражникам, стоявшим на расстоянии, по донье Инес, которая слушала каждое слово с выражением человека, готового потом припомнить его полностью.

— Меня многое смущает, — сказал он. — Но смущение не чинит стены.

— Зато стена, построенная на боли, однажды может рухнуть на тех, кто её строил.

— Может. Но если стену не строить, люди умрут раньше.

Это была не бравада. И не оправдание полностью. В этом была логика осаждённого мира, где каждое решение приходилось делать грязными руками, потому что чистые давно не касались ничего, кроме молитвенных чёток. Леонор ненавидела эту логику. Но теперь, глядя на воду, на сады, на город за стенами, она впервые поняла, почему для Юсуфа личная свобода могла казаться роскошью. Он жил среди тысяч чужих жизней, каждая из которых зависела не только от милости Бога, но и от каналов, складов, договоров, предателей, родовых браков и страха перед последствиями.

Но понимание не было согласием.

— В моём доме тоже говорили о порядке, — сказала она. — О чести рода. О союзе. О пользе брака. О долге перед Богом и короной. Красивые слова. Очень удобные. И каждое из них отнимало у меня часть жизни, пока однажды я не оказалась на дороге к человеку, которого выбрали без меня. Теперь вы говорите о городе, о воде, о стенах, о страхе. Слова другие. Смысл похож.

Юсуф повернулся к ней.

— Вы сравниваете брак с пленом?

— Я сравниваю людей, которые считают себя вправе решать за женщину, потому что нашли достаточно важную причину.

Инес едва заметно кивнула. Юсуф этого не пропустил, но снова не стал смотреть на дуэнью долго. Его внимание вернулось к Леонор.

— В вашем мире женщины тоже бывают частью договоров.

— Да.

— Значит, вы знали это до Гранады.

— Знала. Но одно дело знать, когда тебя называют дочерью и говорят, что берегут. Другое — услышать, как чужие мужчины обсуждают, кому тебя отдать, чтобы закрыть путь назад.

Юсуф не отвёл взгляда.

— Абу Ильяс не получит вас.

— Как великодушно. Вы оставляете это право себе?

Теперь тишина стала острее. Даже вода, казалось, зазвучала громче. Инес чуть подалась вперёд, но не вмешалась. Юсуф смотрел на Леонор долго. Если бы он рассердился, ей было бы легче. Если бы сказал, что она забывает своё положение, она смогла бы укрыться в презрении. Но он снова выбрал ответ, к которому труднее было подобрать защиту.

— Пока вы под моей печатью, я отвечаю за то, чтобы другие не распоряжались вами без моего согласия.

— Вы слышите себя?

— Да.

— Вы только что сказали: другие не распоряжались мной без вашего согласия.

— Да.

— И это должно отличать вас от них?

— Нет. Это должно объяснить, почему они пока не могут сделать то, что хотят.

Леонор засмеялась коротко, почти беззвучно. Смех вышел горьким.

— Значит, моя безопасность держится на том, что один тюремщик сильнее других.

— Сейчас — да.

— И вы ждёте, что я буду спокойна?

— Нет.

— Благодарна?

— Нет.

— Тогда чего вы ждёте?

Юсуф помолчал.

— Что вы будете умнее своего страха.

Этот ответ неожиданно выбил у неё почву из-под ног. Леонор уже приготовилась к спору о власти, о праве, о вере, о войне, но не к этому. Умнее страха. Почти то же, что говорила Инес, только другими словами. Почти то же, чему её вчера учила Зайнаб. В Альгамбре все, кто хотел, чтобы она выжила или оставалась полезной, говорили одно: не отдавай страх первым встречным.

— Почему? — спросила она тихо. — Почему вам это важно?

— Потому что испуганный человек предсказуем.

— А непредсказуемая заложница полезнее?

— Иногда.

— Опять польза.

— Да. Но не только она.

Он сказал это слишком тихо, и Леонор насторожилась.

— Что ещё?

Юсуф не ответил сразу. Вместо этого сделал знак идти дальше. Они прошли через другой коридор, где стены становились выше, а узоры — гуще. В одном месте Леонор увидела маленькую открытую нишу, из которой открывался вид на город. Не широкий, не торжественный, а случайный: кусок белых домов, крыши, струйка дыма, башня, далёкие холмы. Юсуф остановился.

— Смотрите.

Леонор подошла к проёму. Внизу лежала Гранада. При вечернем свете город казался почти мирным. Белые стены теплели, улицы уже уходили в тень, над крышами поднимался дым от очагов. Где-то лаяла собака. Где-то, очень далеко, слышались голоса. За городом тянулись земли, которые война постепенно превращала из домов в линии на картах. Леонор смотрела вниз и понимала: для неё Гранада была вражеским городом, местом плена, красной клеткой. Для людей внизу это был мир. Единственный. Дом, где дети просыпались, женщины стирали бельё, мужчины спорили о хлебе, старики вспоминали прежних правителей, а кто-то, воз-

можно, каждый вечер поднимал глаза к Альгамбре и верил, что пока красные стены стоят, город ещё не умер.

— Вы хотели показать мне, сколько людей прикрываете моим пленом? — спросила она.

— Я хотел показать, почему здесь не бывает простых решений.

— Удобно. Чем больше город, тем легче оправдать одну несвободную женщину.

Юсуф не отвёл взгляда от Гранады.

— Да.

Она резко повернулась к нему.

— Вы опять соглашаетесь?

— Потому что это правда. Большое горе всегда пытается проглотить маленькое и назвать это необходимостью.

— А вы? Вы позволяете ему?

— Каждый день выбираю, какому горю дать имя, а какое спрятать, чтобы люди продолжали идти.

Леонор смотрела на его профиль. Впервые она увидела в нём не только тюремщика и военного игрока, но человека, несущего слишком тяжёлый груз и, возможно, давно решившего, что иначе нельзя. Это не делало его правым. Но делало его опаснее для её ненависти. Простого врага можно ненавидеть целиком. Человека, который сам знает цену своей неправоте, ненавидеть труднее.

— Вы говорите так, будто уже проиграли, — сказала она.

Юсуф медленно повернулся к ней.

— Нет. Проигрывают те, кто перестаёт считать.

— А побеждают?

— Иногда те, кто успевает понять, что именно ещё можно спасти.

— Город?

— Если получится.

— Власть?

— Если понадобится.

— Себя?

На этот раз он почти улыбнулся, но улыбка вышла усталой.

— Себя военные люди обычно вспоминают последними. Или слишком поздно.

Эта фраза почему-то осталась в воздухе дольше остальных. Леонор не хотела думать о нём как о человеке, который тоже может быть связан долгом. Она не хотела видеть его клетку. Её собственная была достаточно очевидной. Но Альгамбра весь день показывала ей чужие клетки: Саидину, Рахимину, Наджмину, Зайнабову. Теперь, возможно, Юсуфову. Не решётчатую, не женскую, не брачную, а сделанную из города, страха, власти, ответственности и приближающейся гибели.

— Вы сами верите в то, что говорите? — спросила она.

— Не всегда.

— Тогда почему продолжаете?

— Потому что люди, которые верят во всё, что делают, становятся фанатиками. Люди, которые не верят ни во что, становятся предателями. Между ними остаётся мало места. Но иногда этого места хватает, чтобы удержать ворота ещё одну ночь.

Леонор молчала. Её учили отличать правду от лжи по соответствию словам Писания, по мнению духовника, по чести рода. Но здесь правда всё время оказывалась не чистым светом, а узкой полосой между двумя опасностями. Юсуф говорил как человек, который привык жить именно там. И всё же где-то внутри Леонор сопротивлялась. Если принять его логику целиком, можно было оправдать всё. Если отвергнуть целиком — перестать видеть город внизу.

— В моём мире тоже есть люди, которые называют жестокость необходимостью, — сказала она наконец. — И тоже говорят, что иначе рухнут стены, семьи, королевства, вера. Может быть, иногда они даже правы в малом. Но если человек каждый день соглашается с малым злом ради большого порядка, однажды он перестаёт замечать, что сам стал частью зла.

Юсуф посмотрел на неё с таким вниманием, что она почувствовала себя не пленницей, а собеседницей, чьи слова действительно имеют вес. Это было опасное чувство. В её положении даже уважение могло стать приманкой.

— Вы думаете, я не замечаю? — спросил он.

— Я думаю, вы замечаете и всё равно продолжаете.

— Да.

— Тогда вы страшнее тех, кто не понимает.

— Возможно.

— И это всё? “Возможно”?

— А что вы хотите услышать?

— Что вы отпустите меня.

— Нет.

Ответ снова был мгновенным. Без сожаления. Без украшения.

Леонор отвернулась к городу. На мгновение ей захотелось ударить ладонью по камню. Но она вспомнила слова Инес: не бей первой, если не знаешь, где стоят его люди. И ещё слова Зайнаб: не отдавать правду бесплатно. И слова Наджмы: ложь любит украшения. Здесь, рядом с Юсуфом, она должна была беречь не только слова, но и собственное лицо.

— Почему вы не лжёте мне? — спросила она.

— Иногда лгу.

— Не так.

— Потому что вы слишком быстро видите грубую ложь. А тонкую сейчас тратить рано.

Она обернулась резко. Юсуф смотрел спокойно, но в глазах у него мелькнуло что-то похожее на тень усмешки. Не злой. Почти живой. Леонор впервые за всё время почувствовала не страх и не гнев, а непрошеное желание ответить так, чтобы он снова посмотрел именно так — не на заложницу, не на письмо, не на полезное имя, а на противника, который заставляет его быть внимательнее.

Это желание испугало её, и она сразу спряталась за холодом.

— Вы предупреждаете меня, что умеете лгать тонко?

— Я предупреждаю, что дворец умеет. Я всего лишь один из его людей.

— Один из тех, кто держит ключи.

— Некоторые.

— А остальные?

— У других.

— Значит, даже вы не можете открыть всё.

— Никто не может.

Юсуф повёл её дальше. Они поднялись по лестнице на открытую галерею. Оттуда вид на Гранаду стал шире. Солнце уже уходило, и город внизу делился на золото и тень. Вдали синели горы. В садах дворца темнели кипарисы. Где-то ниже, в невидимом дворе, смеялись женщины. Смех был лёгкий, почти беззаботный, но Леонор уже знала: в Альгамбре лёгкие звуки редко означают лёгкую жизнь.

Здесь красота стала почти невыносимой.

Леонор смотрела на резные стены, на тонкие колонны, на воду, которая отражала небо, на город, уходящий к холмам, и не могла заставить себя ненавидеть всё это. Она ненавидела своё положение. Ненавидела тех, кто обсуждал её будущий брак как способ сжечь мост. Ненавидела то, что её называли гостьей, пока двери закрывались снаружи. Но сам дворец... сам дворец не

был виноват. И всё же он был частью плена. Его красота не утешала. Она делала плен более сложным, потому что сердце не умеет одновременно защищаться и восхищаться без боли.

— Вы показываете мне это, чтобы я поняла, что Гранада не логово чудовищ? — спросила она.

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы вы поняли, что здесь у всего есть цена. Даже у красоты.

— И моя цена — часть этой красоты?

— Нет. Ваша цена — часть войны.

— А война — часть красоты?

Юсуф посмотрел на стены.

— Иногда красота — это то, что люди строят, пока знают, что однажды всё потеряют.

Леонор замолчала. В этой фразе было нечто такое, что нельзя было сразу отбросить. Её отец строил союзы, чтобы род не потерял положение. Дон Альваро искал брак, чтобы укрепить будущее на юге. Кастильцы шли к Гранаде, чтобы завершить войну и получить земли. Гранада держалась за стены, воду, дворцы и договоры, чтобы не исчезнуть. Все что-то строили перед лицом потери. Только одни строили из камня, другие — из чужих судеб.

— Вчера женщина по имени Наджда сказала мне, что умение и разрешение редко рождаются в один день, — произнесла Леонор.

Юсуф слушал.

— Саида-хатун сказала, что мужчины заключают договоры, а женщины живут внутри их последствий. Рахима сказала, что ей разрешили гордиться, когда у неё забрали сына. Сегодня вы говорите, что город держится на порядке, союзах и страхе. Странное место, ваша Альгамбра. Все здесь умеют объяснить несвободу так красиво, что она почти начинает казаться законом природы.

Юсуф не ответил сразу. Ветер слегка шевельнул край его красного плаща. Снизу донёсся запах нагретого камня, воды и цветущих деревьев.

— А в вашем мире её объясняют иначе? — спросил он наконец.

— Да.

— Лучше?

Леонор хотела сказать — да. Но после дороги к жениху не смогла. Это было ещё одно поражение, малое и незаметное, но её собственное. Она не могла защитить мир, который сам вёз её как часть договора.

— Не лучше, — сказала она. — Просто другими словами.

— Тогда, возможно, вы слишком строги к Альгамбре.

— Нет. Я просто начинаю понимать, что красота не делает цепь легче. Она только заставляет других не замечать, что это цепь.

Юсуф повернулся к ней полностью. В его взгляде не было обиды за дворец. Было внимание.

— А если цепь удерживает человека от пропасти?

— Тогда тот, кто держит её, должен хотя бы не называть себя благодетелем.

— Я не называю.

— Но другие назовут.

— Другие всегда находят удобные имена.

— Тогда я найду свои.

— Какие?

Леонор посмотрела вниз, на город, потом на стены, потом на воду в далёком дворе. В этот миг она действительно остро почувствовала весь размах мира, в который её привезли. Не просто комната. Не просто стража. Не просто Юсуф. Альгамбра была не клеткой в обычном

смысле. Она была системой, где каждая дверь имела объяснение, каждая женщина — роль, каждый мужчина — довод, каждая улыбка — назначение, каждая красота — пользу. В такой клетке можно было ходить по садам, видеть небо, слушать воду, говорить с умными людьми, читать стихи и всё равно оставаться несвободной.

— Вы хотели, чтобы я увидела, где нахожусь, — сказала она медленно. — Я увидела.

— И что вы увидели?

Она повернулась к нему. Теперь между ними не было ни грубости крепостного двора, ни защитной суеверия женщин, ни подслушанных голосов за дверью. Только вечер, стены, вода и город, который каждый из них видел по-своему.

— Здесь стены красивее, — сказала Леонор. — Но замок остаётся замком.

Юсуф не ответил сразу. Фраза легла между ними так ясно, что даже Инес, стоявшая позади, не стала ничего добавлять. Внизу Альгамбра продолжала жить: журчала вода, шуршали листья, далёкие голоса переходили из одного двора в другой, где-то закрывались двери, где-то смеялись женщины, где-то мужчины, вероятно, снова обсуждали судьбы тех, кто не сидел за их столом.

Юсуф наконец склонил голову. Не в поклоне, нет. Скорее так, как признают точно нанесённый удар.

— Тогда запомните расположение стен, сеньорита Леонор.

— Зачем?

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло то, чего она не успела понять: предупреждение, уважение или начало нового расчёта.

— Потому что человек, который знает только свою дверь, зависит от того, кто держит ключ. А человек, который знает стены, однажды может понять, где они слабее.

Леонор застыла.

Он не улыбнулся, не объяснил, не смягчил сказанное. Просто сделал знак Самиру, который ждал у входа на галерею, и тот шагнул вперёд, готовый проводить женщин обратно.

— На сегодня достаточно, — сказал Юсуф.

— Достаточно для чего? — спросила Леонор.

— Для первого урока.

Она хотела возразить, что не просила его быть учителем. Хотела сказать, что плен не становится школой только потому, что тюремщик умеет говорить красивыми фразами. Но слова не вышли сразу. Она всё ещё думала о стенах. О том, зачем Юсуф сказал это. О том, предупреждал ли он её или испытывал. О том, можно ли человеку, который сам держит цепь, указать, где она слабее.

Инес подошла к ней, осторожно взяла под руку и потянула прочь от края галереи.

— Пойдём, дитя.

Леонор послушалась. Перед уходом она всё же обернулась. Юсуф стоял на фоне красной стены и вечернего неба, и в этот миг казался частью Альгамбры: красивой, опасной, полной смыслов, которые не открывались с первого взгляда. Но теперь Леонор знала главное. Красота не отменяла плена. Честность не отменяла власти. Защита не отменяла цепи.

А если Юсуф ибн Саид хотел научить её видеть стены, она научится.

Только не ради него.

Глава 6. Письмо без выкупа

После прогулки по Альгамбре Леонор долго не могла уснуть. Она лежала в своей красивой комнате, под тонким покрывалом, среди чистых стен, ковров и тихого дыхания доньи Инес, и всё снова видела перед собой вечернюю галерею, красные стены, город внизу и Юсуфа ибн Саида, который говорил о воде, страхе, порядке и стенах так, будто мир давно перестал быть местом для простых ответов. Её раздражало, что его слова возвращались. Раздражало почти до злости. Она хотела бы вспоминать только его отказ отпустить её, его спокойное признание, что её называют гостьей ради писем, его власть над дверями, его печать, под которой её привезли в Альгамбру. Это было бы правильно и удобно. Но память, как назло, удерживала и другое: “человек, который знает стены, однажды может понять, где они слабее”.

Она не знала, зачем он сказал это. Не знала, испытывал ли её, предупреждал или просто говорил как военный, привыкший видеть в каждом пленнике возможного игрока, если тот не совсем глуп. Но после этих слов комната стала другой. Раньше она видела в ней только запертую дверь и окно с решёткой. Теперь начала замечать расстояния: сколько шагов от кровати до двери, сколько от окна до ниши, когда меняется стража, кто приносит воду утром, кто уносит поднос вечером, какие голоса слышны за стеной после заката, в какое время Марьям задерживается дольше обычного, когда Зайнаб приходит сама, а когда присылает рас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.